

№ 24

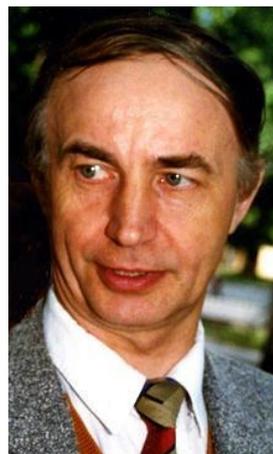
ДЕКАБРЬ 2011 г.

ТРОИЦК

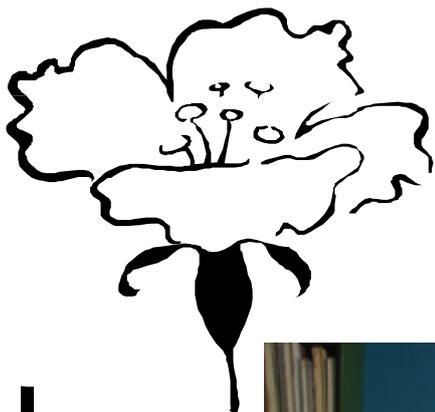
ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Валерий САВОСТЬЯНОВ

ДОМ НА ХОЛМЕ

(ЦИКЛЫ СТИХОВ)

ПЕРСОНАЛИИ

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ САВОСТЬЯНОВ родился в селе Сергиевское Болоховского (ныне Киреевского) района Тульской области в 1949 году. Окончил Тульский политехнический институт. Прошёл трудовой путь от рабочего на заводе и шахте до заведующего лабораторией в Тульском политехническом институте.

Стихи пишет с детства. Автор 8 книг. Один из составителей юбилейных сборников «Великий Май» и «Ветер времени над полем Куликовым», антологии тульской поэзии «Наши современники». Наиболее полно творчество Валерия Савостьянова и его литературная биография представлены на сайте «Стихи.ру» (<http://www.stihi.ru/avtor/airi2>).

Член Международного литфонда, Бюро Тульского отделения Союза писателей России, редколлегии газеты «Тульский литератор», редсоветов многих сборников и альманахов. Входит в Совет клубов православных писателей «Ковчег» и «Родник». Руководитель семинаров поэзии.

Лауреат Второго Славянского литературного фестиваля «Золотой Витязь». Лауреат всероссийской литературной премии «Мастер», областных премий: имени Льва Толстого, имени Смелякова, «Золотое перо Тулы». Награждён многими дипломами, благодарственными письмами, почётными грамотами, в том числе – Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации. Награждён памятными медалями «К 100-летию Шолохова», «К 100-летию Джалиля».

Алексей МИЛЬКОВ

ГЛУБОКО МЫСЛИТЬ

Валерий Савостьянов, проводя большую общественную работу в сфере культуры, разрывается между домами Троицка и Тулы, как известный поэт Евгений Евтушенко мечется между Россией и Соединенными Штатами.

Первый цикл своих стихотворений Валерий Савостьянов заявил как «Философская лирика». Автор показывает, что мир многолик, многогранен, усложнен и утончен – от этого все наши потуги, несчастья, но и победы. Эпиграфом можно поставить его же слова:

*Пусть мир гудит, как тот причал,
Но кто-то думает о звёздах.*

Глубоко мыслить – это и есть философия. Сразу пришло на ум самое популярное определение философии: «Философия – мать всех наук». Значит, философия, хоть она и гуманитарна по сути, и существует в противовес технократии, выше любой из существующих наук, и, следовательно, такой как социология, нас так волнующей, вне контекста с которой мы не строим человеческие взаимоотношения. Вот поэт, как инженер человеческих душ, и предоставляет читателю возможность утвердиться в этом, связывая вместе социологию и философию. С ходу в добавление даю своё определение философии: «Философия – это, прежде всего, раздумья и последующая собственная оценка происходящему, а попросту – проникновение в глубины жизни с целью нахождения в ней причинно-следственных связей».

Этих связей так много, но найти их не так просто, что только дерзновенный человек решается окунуться в бесконечный океан, я бы сказал, безрассудства, чтобы фиксировать на дне полоски света в непроглядной мгле.

Философ хочет охватить всё. И в частности, и в комплексе. Его интересует и глобальное, и тупиковое, и сумасбродное.

Почему «сосна прямая и над берёзами вознесена?» Савостьянов дает ответ, оказывается, она «усвоила тайну успеха: не давать бокового побега».

Так открываются естественнонаучные и философские законы.

Но не все они отличаются простейшей очевидностью и легкой доступностью к открытию. С подачи автора объявляется конкурс:

*Того я сразу гением сочту,
Кто объяснит с научной точки зренья*

*Влюбленных души взаимное стремленье:
За что мы любим эту, а не ту?*

Так что, читатели, пишите автору, если ответите на этот животрепещущий вопрос.

Перед тем, как приступить к философскому осмыслению, каждый из нас с раннего развития преисполнен оптимизма охватить мир. Вот таков был и автор в детстве:

*За лапы сосны лапая,
Цепляясь за траву,
Я думал:
«Жизнь крылатая
Как сказка наяву!»*

*Не нужно прыгать с ловкостью:
Лечу, куда хочу –
Любую кручу с легкостью
На крылья накручу...»*

Определяя очередные детские ощущения, Савостьянов идет дальше и находок обнаруживает всё больше:

*Ты хохочешь. Ты гладишь листок.
Мир – конфетка:
Ни боли, ни яда!
Мир – не горек ещё, не жесток...*

И, наконец, мы выходим из детства. Всё, как известно, начинается со статус-кво познания через обычные органы чувств с подключением работы мозга с его анализом и синтезом. С взрослением столбим, что имеем и знаем, приводим в порядок известные соотношения. Как и поэт:

*Тут и бобик – не кусачий,
тут и ёжик – неколючий,
И везучий – невезучий. А нужна тебе жена,
Тут никто, – избави Боже! –
не надеется на случай:*

*Тут крестьянину – крестьянка,
князю – ведомо, княжна.*

Авторские открытия идут один за другим. Не забывая при этом, что мы все родом из детства, и порывать с детством надо не обреченными, а окрыленными.

*Пусть в доме, где царствуют листья,
Мы станем немножко детьми,
Припомнив закон бескорыстья,
Почти забытый людьми.*

*.....
Тогда не покажется странным,
Что тропки к лесным тайникам
Всегда покорялись Иванам,
Таким же, как мы, чудакам...*

Хотя, мы, признаться, прежде всего в познании не только чудаки, но больше чуваки.

Далее развитие идет через ступени. Вот глубокие раздумья Савостьянова о вещизме:

*Мы тратим жизнь – мы копим вещи
И деньги копим, чтоб купить.
А звёзды блещут, звёзды блещут
И не приучены копить.*

*А звёзды блещут и мерцают,
Алмазом режут по судьбе,
А звёзды вещи отрицают,
Поскольку сами – вещь в себе...*

*Лет через сто с душой седою,
Разочарованный Коцей,
Поймёшь: мечтая стать звездой,
Стал «чёрною дырой» вещей.*

А потом приходит главное осознание. Таков закон из законов, отчеканенный автором:

*Но чтоб творить – нужны лишь те,
Кто не предаст и на кресте!*

Савостьянов на примере своей поэзии доказывает: мы с философией рождаемся, и с нею же умираем. Вот итоговое стихотворение автора. Слова, которые должен сказать сам себе с оттенком грусти любой из нас по завершении жизни:

*И даже когда не считается с нами:
В земных катастрофах, в пожарах, в цунами,
В слепых озлобленях, в святых просветленьях –
Природа разумна в своих проявлениях.*

Далее идет цикл стихов под названием «Николай Чудотворец», за который я бы дал Нобелевскую премию. Жаль, что дают ее нечитаемым и плохо воспринимаемым поэтам.

А читать Валерия Савостьянова надо сегодня, потому что со стихотворениями из цикла «Николай Чудотво-

рец» уходит целая эпоха. Меня, как критика, по этим стихам заинтересовала тема: воцерковление в наши дни. Поэтому отдадим стихам автора пристальное наше читательское внимание.

Воцерковление — это как бы вращение человека в организм Церкви, превращение из христианина номинального в христианина реального. Не секрет, что в 90-е годы многие партийные функционеры вдруг стали набожными и поменяли жизненные ориентиры и приоритеты, т.е. перескочили из одной общественной формации в другую, минуя промежуточные.

Савостьянов скорее христианин номинальный, судя по первому циклу, потому как он философ. Как же произошло или еще происходит его воцерковление. Сразу отвожу подозрение, это не двойная игра автора, не позирирование, не пиар – это его призыв к соблюдению русских традиций в современных условиях.

Автор уже не просит урожай, как в старину. Просит то, что ближе. Он не стесняется обращаться к Богу в кризисные дни, и даже в дни поэтического вдохновения. Вот его молитва:

*Не гаси мою свечу,
О, Всемилостивый Боже –
Я ещё воспеть хочу
Ту любовь, что всех дороже.*

*Ту любовь, что даришь мне
В пору старости бесплодной –
К сыновьям моим, к жене,
К нашей кошке беспородной.*

*И к рассаде, и к цветам,
На окне моём живущим,
И к сияющим листам,
Строчки новые зовущим...*

*Не вели меня казнить –
Я иду, не зная броду.
Дай мне что-то объяснить
Драгоценному народу!*

*Что – пока не знаю сам.
Но в годину испытаний,
Верю, дашь моим устам
Нежность словосочетаний, –*

*Чтоб не ядом напитать,
Не отмицением, не болью,
Чтоб молитвой отшептать,
Чтоб спасти его любовью!..*

Что мог попросить крестьянин у Бога, кроме урожая? Жену на подворье и побольше детей в помощники? Остальное – по мелочи, но ежечасно. Поэтому крестились часто. И на чудачества природы, и на свои собственные, и на себя, и за себя, и за тех, и за других.

Раньше, чуть что, бежали сразу к образам, к иконам. А чтобы далеко не бежать, достаточно было только повернуть голову, и вот они в каждой избе в заветном уголке. И на небе представлялась икона, когда ее поблизости не было.

У автора были простые корни, он не стесняется их и хорошо их помнит.

*Сельское детство, ромашковый рай.
Пристально смотрят с околиц
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...*

*Годы студенчества. Угольный край,
Шахты опасный колодец.
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...*

*Свадьба запела – ты ей подпевай.
Водочку пьют и ликёрец
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...*

*Звон колокольный
сыновьих сердец.
Что же взамен, комсомолец?
Дед умирает. Остался отец.
И Николай Чудотворец...*

*Лень сыновьям постоять у икон –
Вырастет грех твой, утروась.
Дед и отец – далеко-далеко.
Лишь Николай Чудотворец...*

*Снится: у рая – раскаянья грай,
Толпы молящего люда.
Каждому нужен Святой Николай,
Каждому хочется Чуда!*

*– Эй, богомолец с терновым венком,
Что так угрюмо молчишь ты?
Что-то ведь понял ты, став стариком?..
– Что Николаич я. Трижды!..*

Савостьянова побудила написать религиозный цикл его неразрешимость к материалистическим казусам, на которые он обратил внимание:

*Не нужна Ивану палица,
Ни стихи, ни колдовство, –
На принцессу молча пялятся –
Глядь: она жена его!*

*Ну а принц пойдёт к философам,
Примет муку и суму,
И метнёт он в небо посохом:
«Почему – не по уму?..»*

Это приводит в недоумение и материалистов. Самое время подумать о высоком. Вот и очередное, чтобы постигнуть высший смысл, оправданное обращение к Богу не только самого автора, но и нас:

*Спаси ты нас:
Не дай нам заплутать!*

И Савостьянов приводит еще пример казусов людей, занимающихся не свойственным себе делом.

*Человек, не чувствующий рифмы,
Стать хотел известнейшим пиитом,*

*Человек, не бравший логарифмы,
Стать хотел учёным знаменитым.*

*Первый, в стихотворческом угаре
Доконав несчастного Пегаса,
Покупал рецензии деньгами,
Прилетя в Москву из Арзамаса.*

*И, вчерашний умница и скромник,
Он водил чинуш по ресторанам.
Он издал увесистый трёхтомник,
Но прослыл глупцом и графоманом...*

*А второй, из школы исключённый,
Грезя славой Лейбница и Бора,
Жертвовал, как истинный учёный,
Жизнью ради нового прибора.*

*Ночью провода запылали,
Взрывом опрокинуло избушку.
Стал он разговаривать стихами
И попал не в гениш – в психушку...*

*Говорят: живут они убого,
Ублажая похоть и утробу,
Не прося прощения у Бога,
Сея лишь неверие и злобу.*

*Человек, не бравший логарифмы,
Мог бы стать известнейшим пиитом!
Человек, не чувствующий рифмы,
Мог бы стать учёным знаменитым!*

А для настоящих праведников (среди нас всегда есть такие) поэт припас следующие комплиментарные строки.

*Но ты сам, не кто-нибудь,
Выбрал путь страстной, субботний –
Честный, тесный Крестный Путь.*

Вот теперь мы определились, что Савостьянов – носитель мысли возвращения к истокам. Как бы, сейчас модно говорить, пришло «время собирать камни». Что автор и предлагает через призыв:

*Век безбожия – страшная школа:
Мы не ведали, что же творим.
Помоги, Чудотворец Никола,
Возвратиться к святыням своим!*

Савостьянов не только призывает, но и совершает паломничества, на примере показывая, что дает хоть отчасти возвращение к истокам:

*...А когда я душой неспокоен,
Я иду по любимым местам –
У святых постоять колоколен,
Поклониться высоким крестам.*

*Их советы невучи и гулки,
А порой – молчаливы, тихи.
Помогают мне эти прогулки
Мудро жить и не множить грехи.*

Автор много слов сказал о церковных праздниках, которым ему хотелось бы вернуть былое величие, заслуженное почитание, особое отношение, но главные слова нашлись в пользу мирского праздника:

*... лучший праздник –
Это русский сенокос...*

Попасть словами в точку – вот показатель мастерства писателя. Кажется, это Ахматова сказала: «Я не сочиняю – я диктую».

Не надо быть осторожным, утверждая, что в жизни, что бы ни делалось, о чем бы ни писалось, всё сводится к теме любви. Любовь может быть и к родному пепелищу и к отеческим гробам, как сказал Пушкин. А может быть к чему-то иному. Сила поэта показывать это. И писательским трудом, и чужим примером, и личной жизнью.

Совсем не странным нахожу, что именно в религиозном цикле мы встречаем описание девушки.

*Шёл загар ей,
Шёл ей ситец пёстрый,
Шла ей селигерская вода.
И с тоской пронзительной и острой
Понял: вновь не встречу никогда.*

*Никогда – очей таких небесных,
Нежного прелестного лица,
Никогда – волос таких чудесных,
Что достойны царского венца.*

Можно смело назвать это стихотворение «Икона». Почему? Это будет видно далее.

С описаниями женских ликов встречаешься не часто. Их не так уж много даже у Пушкина. У Есенина встретил строки «Хороша была Танюша, краше не было в селе». Но поэт, почему она была хороша, сделал акцент на одежду: «Красной рюшкою по белу сарафан на подоле».

Из следующих строк Савостьянова видно, насколько он умело преподносит, возвышает и, как бы, демонстрирует на подиуме понятие красоты.

*Дым струится, стирая лица –
Но отчётливо вижу ту,
На какую перекреститься
Захотелось мне красоте.*

*И мне кажется: не случайно я
Ждал и нежность приберегал
Для очей твоих
Цвета чайного,
Цвета сосен по берегам.*

Теперь мы четко убеждаемся, что поэт – мастер воспевать любовь к женщине. Вот его очередной образчик:

*Благоухал цветущий луг,
Шумел ручей,
Парила птица,*

*И не хватало губ и рук
Друг с другом нежностью делиться.*

*И каждый чувствовал:
Он часть
Другого
И Кого-то, – словно
Он вам открыл:
Такая страсть –
Божественна, а не греховна.*

*В момент зачатия звезды,
И гения,
И страстотерпца
Он верит:
Лучшие плоды –
Плоды не похоти,
А сердца!*

Описано трогательно, не топорно, не со смакованием. Но тогда почему цикл называется «Николай Чудотворец»? И тут становится понятным, почему в этот цикл вошли описания женских ликов. Иконы должны привлекать, притягивать к себе, в иконах мы должны видеть себя, и всё лучшее в себе и вокруг.

*Тебя разглядывают модницы,
И я гляжу во все глаза.
Ты носишь имя Богородицы,
Похожая на образа.*

А теперь пришла другая напасть, которая видна из следующих строчек Валерия Савостьянова:

*Над могилой ива и калина,
Грустные, склоняются в мольбе.
Бабушка моя, Екатерина,
Царствие Небесное тебе.*

*Сколько отчитала ты, отпела,
Так же вот, склоняясь и скорбя!
Твой псалтырь лежит теперь без дела –
Нету ученицы у тебя.*

Семья и быт неразделимы. И быт у нас ассоциируется с невымытой посудой, с протекающим бачком, с дрызгами жильцов, с тараканами в головах. Но Валерий Савостьянов и о быте нашёл нотки прекрасного. Таков его третий цикл «О семье».

*И вот ещё – я помню эту сцену:
Ревнуя, ты устроила бедлам –
В сердцах ты чашку грохнула о стену,
А блюдец – от осколка пополам.*

*Так исчезало свадебное чудо:
Сервиз дулёвский – белый, как фата...
Любимая, ведь это не посуда,
А наша нежность, наша красота!*

*Когда добьются чашечки и блюда,
Поймём внезапно, вслушиваясь в тишь:*

*От счастья только брызги остаются!..
Но ты храбришься –
«К счастью!» говоришь.*

Быт может быть устраивающим нас, когда налажен, когда его благоустраивают любимые и близкие люди. Вот о таких людях автор не устает говорить силою своего искусства поэта.

*Не надо говорить, что прощя есть решение:
Стеклопакетный рай – звони – и привезут,
Не надо оскорблять процесс омоложения, –
Ты светисься, творя семейный наш уют.*

Еще цикл «О семье» про двоих. Как и у белых лебедей, у людей тоже существует эффект неразлучной пары.

*Но я видел:
В проеме аллеи,
Где на клумбах душистый табак,
Той, единственной, руки белели
И улыбка цвела на губах.*

Особенно показательно у Валерия Савостьянова стихотворение «Вид больничных коридоров».

*Снег и белая палата –
Мир безжалостных шприцов.
Люда хочет винограда
И зелёных огурцов.*

*За окном забор и насыть –
Надоевший колорит.
Люда хочет ананасов,
Но про то не говорит.*

*Гладит слабою рукою:
Дескать, как с лица я спал,
И чтоб всякое такое –
Больше ей не покупал.*

Нарисованная автором картинка очень трогательна и умилительна, а по накалу человеческих страстей, нервов и чувств претендует называться драматической историей.

«Философская лирика», «Николай Чудотворец», «О семье». Три независимых друг от друга цикла стихов ничем не объединены между собой. Тем не менее, есть

связующие нити. Это патриотизм, прославление нашей самобытной культуры и истории, ну и, конечно, любовь во всех ее проявлениях: к женщине, Родине, народу.

Таков поэт Валерий Савостьянов: точный в словах, искренний, разнообразный, полнозвучный.

Как пародист, я долго выискивал в его стихах казусы, за которые можно зацепиться и написать пародию. Нашел только тогда, когда в стихотворении «Теннис» Валерий Савостьянов отступил от свойственной себе серьезной манеры и допустил такие шаловливые строки:

*А я, и азартный, и резкий,
Идущий на риск, напролом –
Творил я такие подрезки,
Что мяч зависал над столом...*

Мне сразу представилось, что автор действует, как заправский хирург, а ракетка – это скальпель. И родилась пародия. Пусть автор извинит меня за то, что я привожу ее здесь.

ЧАСОВ, В ЭТОТ РАЗ, НЕ НАШЛОСЬ

*А я аккуратный и дерзкий,
И сложности мне ни о чем –
Творил я такие подрезки,
Что сам зависал над столом...*

*Разрез получился широкий,
Учили как, выпустил кровь,
Отрезал я часть селезенки,
Но не обнаружил часов.*

*Уменьшил желудок я вдвое,
Прямую кишку не забыл,
Аппендикс последовал вскоре,
А след от часов как простыл.*

*Открыжил всего понемногу,
Трахей отчекрыжить пришлось,
Пульс слабый не вызвал тревогу,
Часов, в этот раз, не нашлось.*

*Хирург я, конечно, от Бога,
Теперь бы скорей всё зашить.
Я горд, до последнего вздоха
Больной не мешал мне лечить.*

Больше зацепок я не нашел.

Валерий САВОСТЬЯНОВ***ДОМ НА ХОЛМЕ***

(циклы стихов)

I. ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА

(цикл стихов)

СОСНА

Я смотрю на тебя, понимая
Почему ты такая прямая,
Над берёзами вознесена.
Ты усвоила тайну успеха:
Не давать бокового побега
И рубить свои ветки, сосна.

Пусть берёза–дурёха любила,
Надевала серёжки весной,
Ты все лишние связи – рубила,
Ты всегда оставалась сосной.

Потому ты сегодня заметна,
И уже на примете у ветра,
И в профессорских звёздных кругах
За тебя он замолвит словечко:
«Что за вечнозелёная свечка
Уродилась в российских снегах!

Не чета этим белым дурёхам –
И не видно их даже с небес.
Их берёзовым чертополохом
Каждый год засоряется лес...»

Что ж, наверное, можно гордиться,
Коль светила, коль первые лица
На тебе остановят глаза!
Да луна вот, ревнивица злая:
«Если свечка, – пускай запыхает!» –
Изрекла. И заходит гроза...

ДОМ НА ХОЛМЕ

Как белый храм,
на холме белый домик под крышей зелёной.
Кто его строил и чей он – неведомо мне.
Но почему-то мне кажется:
зодчий его, безответно влюблённый,
Долго молился о Чуде
и дом свой однажды увидел во сне.

Чудо свершилось: его полюбили –
он выстроил дом на холме,
где потом долго-долго он жил
со своей королевой,

Счастливо жил – и она улыбалась ему,
В комнатах светлых звучал её голос напевный,
А вечерами подолгу с ней рядом смотрел он во тьму.

В детской просторной сопели их чудные дети,
Кот их учёный вальяжно лежал на тахте,
Верный их сторож, за хрупкое счастье в ответе
Пёс неучёный надёжно ходил в темноте.

И залетали в их окна шум сосен и запахи лилий,
Чтоб не забыли, что Чудо ждёт кто-то ещё
и что там за дверьми –
Ненависть рушит замшелые стены Бастилий,
Строит Любовь
Белый храм Покрова на Нерли...

ПЕШКА

Конь – лишь конь,
и слон – лишь слон,
и ладья – всегда ладья,
Даже воля ферзя – не свободна...
Не грусти, мой юный друг, пешка жалкая моя,
Ибо завтра можешь стать кем угодно.

Это лишь тебе дано!
И когда в немой борьбе
Все удары злой судьбы держишь стойко,
Улыбнись и пожалей дерзких,
видящих в тебе
Не подругу короля – пешку только...

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОГНЁМ

Поняла ты, как утром вышла,
Что дымилось вчера во мгле:
Прошлогоднюю траву выжгло
И в ложине, и на холме.

От валежника и от прели
В чёрной рощице – ни следа.
Так бывает порой в апреле,
Так случается иногда...

Человечек мой самый нежный,
Ты не плачь о том –
не жалея
Мать-и-мачеху и подснежник,
Зелень луга, стерню полей.

Просто чуткое предвесенье
Знает горе твоё уже –
И подсказывает спасенье,
Просветленье твоей душе.

* * *

Я здесь с бессонницей вдвоём,
В дворце двухкомнатном своём.

Я говорю с ней и молчу,
И улыбаюсь, и грущу.

Мы с нею смотрим за окно –
Там ночь,
Там ветрено, темно.

Там чей-то шёпот,
Чей-то смех,
И звёзды пролиты на снег.

И кто-то скажет на ходу:
«Ну хочешь, милая, звезду?»

И что-то нежное в ответ...

Не слышал «да», не слышал «нет».
Но знал: девчонка скажет: «Да!»,
Но знал: не упадёт звезда.

Ведь звёзды –
Остаются звёздами
Лишь потому,
Что никем не куплены,
Никем не розданы,
Не подарены никому.

ФЛЮГЕР

«Зачем ты мечешься с утра
На тонкой спице?
Пойми: не могут флюгера
Летать, как птицы.
Зачем, заслышав пенье выюг,
В мечтах витая.
Ты собираешься на юг
С грачиной стаей?
Лишь сгоряча,
лишь сгоряча
Иль с дурачины
В себе ты чувствуешь грача
И зов грачиный...»

И он смирился и затих,
Он внял совету,
И стал вчерашний еретик
Послушен ветру.
И, не касаясь птичьих тем,
Не смея думать,
Стал поворачиваться к тем,
Кто злее дунет.
А чтобы что-то означать
На свете этом,
Других он начал поучать,
Смущать советом.
Забыл, забыл он, как цвела
В полях гречиха,
Когда кричала и звала
Его гречиха...

* * *

Того я сразу гением сочту,
Кто объяснит с научной точки зренья
Влюбленных душ взаимное стремленье:
За что мы любим эту, а не ту.

Ведь та, быть может, тоже хороша.
И, главное, такая же душа
Есть у неё,
И вольно ли, невольно –
Быть нелюбимой горько ей и больно.

Утешить как её и научить
Не звать любовь бессонными ночами –
Ведь наши души тоже бы кричали,
Когда бы их с любовью разлучить.

Прости же, нелюбимая, прости,
Что так необъясним и непослушен
Путь наших душ и нам самим и душам,
С которыми, увы, не по пути!

ПЁС

Убегай, беги, дворняга,
В царство ночи и пурги,
Ибо жизненные блага –
Твои тайные враги.

Даровым куском угробят,
Теплотою тюфяка.
А под деревом в сугробе
Не найдут наверняка.

Завтра выйдешь на помойку –
Кровью в яростном бою
Скажешь всем, что даже волку
Не уступишь кость свою.

А потом залижешь раны,
Свои рваные бока –
И щенки, и ветераны
Вмиг почуют жожака.

И хвостами завиляют,
И на пузе подползут,
И напрасно не залают –
Ты им всем хозяин тут!

А хозяин твой вчерашний,
Увидав издалека,
И ненужный, и не страшный,
Не решится дать пинка...

И когда с прекрасной сучкой
Ты укроешься во тьму,
Звать любовь свою ты случкой
Не позволишь никому!

* * *

Шли. Говорили на ходу.
О близких. О друзьях. О доме.
Он вдруг сказал: «А мне б звезду
Хотя б одну поймать в ладони...»

И, улыбнувшись, замолчал,
И подал руку на прощанье.
А рядом дыбился причал.
И люди бегали с вещами.

И людям было не до звёзд –
Ведь каждый с кем-то расставался.

Он уезжал. Я оставался,
Не понимая: то ль всерьёз
Сказал он, то ли сгоряча,
На миг забывшись в странных грёзах...

Пусть мир гудит, как тот причал,
Но кто-то думает о звёздах.

* * *

Не под ударом силы злой,

Жестокой, метеорной,
А под обычною пилой,
Пилой бензомоторной
Деревья пали, умерев,
Усыпав землю густо.
И было кладбище дерев
Огромным, как Тунгуска.

Ещё вчера цвели,
цвели,
Хватали синь руками,
Вдыхали запахи земли,
Играли с ветерками,
Ещё вчера,
ещё вчера

Лист лепетал, ликуя –
Не зная жала топора,
Безжалостность людскую.

Ещё внутри, в земной коре,
Тверды и непокорны,
Как звери дикие в норе,
Ворочаются корни,
Сквозь эти пни,
сквозь эти пни

Ещё сочатся соки –
Но уж не вскормят крон они,
Кудрявых и высоких...

* * *

Не первым он был, не последним
На этом рисковом пути, –
Кто ловит удачливым бреднем,
Пока уже не унести,

И кто на току глухариним,
Смутясь, не опустит ружьё,
И в смертном оскале зверином
Не видит знаменье своё.

Он жил по законам жестокой
Охотничьей жажды. И вот
Меж льдин полноводной протокой
Разбухшее тело плывёт...

Искали его три недели
Под всхлипы жены и детей,
Под стоны весенней метели –
Нигде ни ружья, ни сетей.

Нашли наконец –
У Природы
Желание мести прошло:
Несут благородные воды
Страдальца в родное село.

И что-то почувствуют дети
В задумчивых взглядах друзей
И спросят:
«Что папенька –
В сети
Попался
Лещей и язей?...»

* * *

Хватает рыба воздух ртом
И бьёт по берегу хвостом –
Похоже:
Пляшет и смеётся.
Но знаю: всё наоборот –
То входит смерть в открытый рот
И выдохнуть не удаётся.

Но ведь и мы со стороны
Кому-то можем быть смешны –
На леске мук,
На грани взрыва.
Молящиеся всем богам!
Боящиеся пасть к ногам
И страшно биться, словно рыба!..

ИНЕЙ

Иней лёг на травы и на пашни –
Мир подлунный прибран и хорош!
Силуэт водонапорной башни
Издали на церковку похож.

Кажется: по Млечному течению
Вдоль села в поющий небосвод,
Выделан художественной чернью,
Колокол серебряный плывёт...

КРУГОВОРОТ

Большие реки не жестоки –
Закон величия таков:
Спешу вбирать в себя потоки
Всех малых рек и ручейков,

Давать им собственное имя,
А их названья – забирать,
И, нарекая их своими,
Гордыню вольности смирять.

Спешу потоком непреклонным
Простирывать
Их спеси взвесь,
Вести, но знать,
Что путь – наклонный,
Что скоро будет пройден весь,

Что невозможно повторенье, –
И доля всякого вождя –
Постичь величие смиренья
В обличье снега и дождя...

* * *

И снова, и снова, и снова
Захочется до немоты
Просторного духа лесного,
Негромкой лесной красоты.

Оставим ружьё и патроны,

Ни сумок не брать, ни корзин.
Под клёны,
Под ясные кроны,
Под грустные ветви лозин!

Пусть в доме, где царствуют листья,
Мы станем немножко детьми,
Припомнив закон бескорыстья,
Почти позабытый людьми.

Пусть мы никого не обидим,
Пусть мы ничего не сорвём –
И, может быть, что-то увидим,
И, может быть, что-то поймём.

Услышим, как дерево плачет,
Топор о пощаде моля,
Как первые ландыши прячет
От жадного взгляда земля.

Почувствуем тяжкую ношу
На хрупких плечах муравья
И грязную чью-то калошу
Достанем из горла ручья.

Тогда не покажется странным,
Что тропки к лесным тайникам
Всегда покорялись Иванам,
Таким же, как мы, чудакам...

ПУТЬ

На распутье вещей камень – я стою, подняв забрало:
Вот он, классиком воспетый, путь непротивленья злу!
Кладенец тут, меч заветный – перекован на орала,
Тут смешно, ища невесту, с тетивы спускать стрелу.

Тут и бобик – не кусачий, тут и ёжик – неколючий,
И везучий – невезучий.
А нужна тебе жена,
Тут никто, – избави Боже! – не надеется на случай:
Тут крестьянину – крестьянка,
князю – ведомо, княжна.

Тут задаром достаётся друга верность и участие,
Потому что каждый встречный тут помочь тебе готов.
Тут всегда компьютер судьб
Программирует нам счастье:
Жить здесь можно, сколько хочешь –
среди сосен и цветов.

Тут и сам я не загину, и коня не потеряю:
Волки – вегетарианцы тут: скромного ни-ни!
По пути непротивленья мы поедем, как по раю –
Наедимся до отвала и понежиться в тени.

Разве мы не заслужили?..
Что ж ты пятишься, коняга?
Что, упрямая скотина, ты не слушаешь плети?
Или чуешь:
Рай, в котором вырождается отвига –
Хитрость главная Кощея!
И царевну не спасти!

ДИКИЕ ТРАВЫ

Дикие травы, бурьянные травы
В горькой росе, в придорожной пыли –
В чём-то вы правы,
Наверное, правы,
Что не уходите с этой земли.

Как ни губили мы,
Как ни пололи
Вас, в рукавицах ежовых держа, –
Но в беспардонном вашем полоне
Каждый кювет и любая межа.

Снова и снова встаёте вы дерзко
Там, где другие завяли б давно,
И, торопясь, зацветаете –
Дескать,
Времени мало отведено!

И, предаваясь счастливому мигу,
Семенем спелым по ветру пыля,
Вы не желаете в Красную Книгу –
Лучше прекрасная эта земля!..

Дикие травы, бурьянные травы
В горькой росе, в придорожной пыли –
В чём-то вы правы.
Так в чём же вы правы,
Что не уходите с этой земли?

Видно, вы знаете, дикие травы,
Верите: ваша придёт пора –
И скоро для новой пикантной приправы
Начнут вас использовать повара.

Научится завтрашний Авиценна
Экстрактом вашим лечить судьбу, –
Провозгласят вашу стойкость –
Бесценной
И святою – вашу борьбу!

И одарят вас лучшею пашней,
И ваших вредителей за можай
Агроном, ваш палач вчерашний,
Загонит,
В ответе за ваш урожай.

И грянет на вашей улице праздник!..
Сразу ль других
Нам понять дано:
Дикими травами не были разве
Рожь и картофель
Давным-давно?

БОЛИГОЛОВ

Хоть зонты болиголова
Град встречали у межи,
Тучи чёрная корова
Затоптала поле ржи.

И легли, в шеренгах смятых,
Встав стихии поперёк,

Колосок бесстрашный в латах
И пугливый василёк.

Колосок, солдат суровый,
Рыцарь службы строевой,
Все цветы считал половой,
Вредной, сорною травой.

Василёк ему напрасно
Объяснял уже не раз,
Что прекрасно
И не праздно
Он живёт, за всех молясь,

Что мечей острее – Слово!..
И болела голова
Старого болиголова:
Слишком громкие слова!..

Тучи чёрная корова
Прочь ушла по спинам трав –
Но болит болиголова
Голова:
Ну кто же прав?

МЕТЕОРИТ

Метеорит упал в болото.
Лягушки сели вокруг него
И ну хвалить его за что-то
И почитать как божество.

А он, бесформенный, оплывший,
Герой космических дорог,
С душой обугленной, остывшей,
Уныло смотрит на дурёх:

Рождённым водною средою –
И мыслить уровнем воды!

Что им: как жил,
Как был звездой?
Их восхищает... смерть звезды!

ПРИРОДА РАЗУМНА

И даже когда не считается с нами:
В земных катастрофах, в пожарах, в цунами,
В слепых озлоблениях, в святых просветлениях –
Природа разумна в своих проявлениях.

Просвеченным Разумом этим великим –
Не спрятаться лживым, не скрыться двуликим!
Погрызшим в гордыне, в грехах и пороках –
Она преподаст ещё много уроков!

Под пристальным взглядом – все наши деянья,
И, как при рождении, мы – без одеянья.

Где сути не скрыть ослепительным платьем, –
И мы, и король – одинаково платим.
Где суть не разжалобить рубищем нищим, –
И с нищих, и с нас – одинаково взыщет!

Наш, может, единственный шанс на спасенье –
Её справедливые землетрясения...

Ослепший Гомер и оглохший Бетховен
Хотя бы себе признавались: «Греховен!»?
И где этот рыцарь, открывший забрало,
Сказавший: «Я знаю, за что покарала!..»?

Не так уж наивен, не столь уж безумен –
Безумец, решивший, что камень – разумен!
За нас, растранивших лучшие годы:
Меняющих руслу, сдвигающих горы, –

За пир нашей глупости, за пресыщение –
У этого камня молящий прощенья!

ВЕЩИ

Мы тратим жизнь – мы копим вещи
И деньги копим, чтоб купить.
А звёзды блещут, звёзды блещут
И не приучены копить.

А звёзды блещут и мерцают,
Алмазом режут по судьбе,
А звёзды вещи отрицают,
Поскольку сами – вещь в себе...

Лет через сто с душой седою,
Разочарованный Кощей,
Поймёшь: мечтая стать звездой,
Стал «чёрною дырой» вещей.

ОБ ИСКУССТВЕ

Однажды в силу обстоятельств –
Привязанностей ли, приятельств
И окруженья своего
Лишаешься.
И ничего!

И вот, когда вокруг так пусто,
Вдруг возвращается искусство,
С которым нужно не дружить –
Которым нужно просто жить.

Оно не то чтоб ревновало:
Всегда поклонников немало.
Но чтоб творить – нужны лишь те,
Кто не предаст и на кресте!

Их толпы, жаждущих общаться!
А вот рискнувших:
Ремесло –
Заставить в счастье превращаться, –
Всегда конечное число...

* * *

Спешу подумать о прекрасном,
Когда вокруг чертополох,

А в поле непролазно – грязном
Топь сапоги сдирает с ног.

Что горевать, что шаг – пудовый,
Зато пока – не босиком,
И станет к вечеру медовый –
Сухарь, запитый родником!

Пока не вымазана совесть,
В навоз не вывалена честь,
Есть незаконченная повесть
И ощущение даже есть,

Что если выстираешь тельник,
Что если высушишь носки, –
Грязь не пристанет, как репейник,
К судьбе...

На сене у реки
Найдёшь себя во сне осеннем –
Не хлеб грызущим,
А миндаль,
Идущим берегом кисельным
В коммунистическую даль...

* * *

Дорога к морю долгая,
И, свежестью влеком,
Спешил я, траву дёргая
Рукой и каблуком.

О, гор крутые тропочки –
Хоть вешайте отвес!
Скользя у края пропасти,
Я по откосу лез.

Порой, дрожа от слабости,
Я падал на откос,
Завидуя крылатости
Букашек и стрекоз.

И, словно озарение,
Доступностью дразня,
Птиц лёгкое парение
Летело на меня.

За лапы сосны лапая,
Цепляясь за траву,
Я думал:
«Жизнь крылатая
Как сказка наяву!

Не нужно прыгать с ловкостью:
Лечу, куда хочу –
Любую кручу с легкостью
На крылья накручу...»

Потом я плывал в лепете
И в пене волн...
Потом
Я видел: сели лебеди
На розовый понтон.

Вода качала грузные
Усталые тела,
И гнул их шеи грустные
Груз птичьего чела.

И долго без движения
На синеве волны
Лежало отражение
Смертельной белизны.

Дрожали крылья сильные...
Как был я удивлен
Судьбой невыносимую
Того, кто окрылен!

КОТЁНОК

Дома Эйфелева башня.
Влез котёнок на карниз.
Высоко ему и страшно:
Ни сползти, ни прыгнуть вниз.

Ветер жжёт,
Едва не рушась,
Мир висит на волоске.
И вопит смертельный ужас
На кошачьем языке.

Он вопит, зовя на помощь.
Тщетно: в доме – ни огня.
Лишь услужливая полночь
Переводит для меня:

«Вот оно – коварство выси!
И, смотри, не окажись
Перед бездной в роли кисы,
Испугавшейся за жизнь...»

* * *

Всё больше асфальта –
Всё меньше земли
Внутри городов и посёлков.
И там, где когда-то ромашки росли,
Где босые ноги тонули в пыли
Тропинок, дорожек, просёлков –

Гремят эстакады, свистят поезда,
Разорванный воздух сминая.
Так что же ты плачешь, душа, иногда
Ту древнюю пыль поминая?

Ты плачешь, стена,
Ты шепчешь о том,
Что больно от наших промашек,
Что глуше – мольба,
Что неслышнее – стон:
Внутри нас, несчастных, железобетон, –
На нём уж не сыщешь ромашек!

* * *

Не плюёшься: ныне кажется не горькой
Прежде горького лимона кожура,
А нечаянно уколешься иголкой –
Не зовешь, рыдая, маму со двора.

Вот он, возраст бесконечного терпенья,
Когда плачешь и смеёшься – не спеша.
И, как птица вырастающая – в перья,
В рассудительность упряталась душа.

Но как жаль порой безумного порыва,
Где она при всей наивности – мудра,
Когда бьётся, задыхается, как рыба –
Вся нагая, без единого пера...

* * *

Опять моросит, холодает
В моём среднерусском краю,
И что-то неясное давит
И мучает душу мою.

Приходит пора созревания –
Ничьей в этом нету вины,
Что прежние очарования
Сегодня наивны, смешны.

Судьбу сентябрю я вверяю –
Дары его с грустью приму.
Но кажется мне, что теряю
Я что-то.
А что – не пойму.
И, чувствуя близкую зависть,
В том вижу начало беды,
Что не возвращаются в завязь
Упавшие с веток плоды...

ДЕТСТВО

Распустилась ольховая ветка
В феврале у окна на свету.
Ты смеёшься, и плещет конфетка
Шоколадною рыбкой во рту.

Ты хохочешь – и грань шоколада
На губах оставляет пятно.
Тихой свежести,
Сладкого лада
Твоё раннее утро полно.

Ты на стульчик с ногами залазишь,
Рядом с банкой пускаешься в пляс,
И листок распустившийся гладишь,
Ноготком его ранишь боясь.

И кричишь ты настойчиво, –
Бабку,
Что спешит вкусный завтрак сварить,
Просишь – эту заветную банку
Поскорее водою долить.

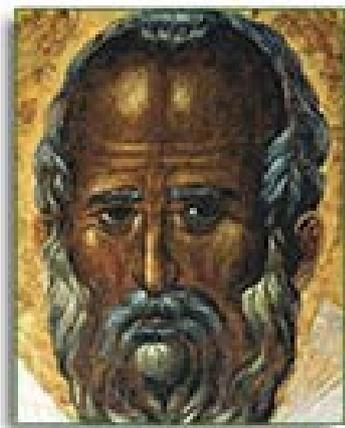
Тебя бабушка любит, балует –
Воду в банку, послушная, льёт,
И в капризный затылок целует,
И другую конфетку даёт.

И уходит, журуя тебя: «Горе,
Упадёшь ведь – храни тебя Бог!»,
За ковёр задевая ногою,

Не влезавшей с лета в сапог.

На неё, неуклюжую, глядя,
Ты хохочешь. Ты гладишь листок.

Мир – конфетка:
Ни боли, ни яда!
Мир – не горек ещё, не жесток...

II. НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ

(цикл стихов)

НЕ ГАСИ МОЮ СВЕЧУ

Не гаси мою свечу,
О, Всемилостивый Боже –
Я ещё воспеть хочу
Ту любовь, что всех дороже.

Ту любовь, что даришь мне
В пору старости бесплодной –
К сыновьям моим, к жене,
К нашей кошке беспородной.

И к рассаде, и к цветам,
На окне моём живущим,
И к сияющим листам,
Строчки новые зовущим...

Не вели меня казнить –
Я иду, не зная броду.
Дай мне что-то объяснить
Драгоценному народу!

Что – пока не знаю сам.
Но в годину испытаний,
Верю, дашь моим устам
Нежность словосочетаний, –

Чтоб не ядом напитать,
Не отмщением, не болью,
Чтоб молитвой отшептать,
Чтоб спасти его любовью!..

* * *

С окраины своей к знакомой роще выйду ль,
С окраины своей пройду ли на проспект –
Последнее тепло ноябрьский ветер выдул
Из клёнов и берёз: уж их неяркий спектр.

Уже темны дубы, уже тусклы осины,
И траур черных лип почти невыносим.
Но лишь горят–горят осенние рябины
На фоне тех дубов и меркнувших осин.

И поздний свет рябин всё ближе мне с годами, –
Не крон их зыбкий свет: их листья – без затей, –
Они чаруют взгляд прекрасными плодами...
Так не затем ли Бог дарует нам детей?

ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Подарил я ей мимозы,
И с высокого моста
Мы смотрели с ней на звёзды
В ночь Великого Поста.

За звездой звезда бросались
Вниз и гасли над рекой...
Видел много я красавиц,
Но не знал другой такой!

И какие б ей слова я
На ушко ни говорил –
Отстранялась, обрывая,
Отступая от перил.

Как же так?
«Люблю я Бога!» –
Отвечала мне она.
А река была глубока,
А река была темна.

Как ни вглядывайся в струи,
Всё равно не увидать,
Как ушли без поцелуя
Мы поститься и страдать.

От беды ли, от порока –
Увела меня она.
А душа была глубока,
А душа была темна!

И душе моей казалось:
 Выеденного яйца
 Поцелуй не стоит –
 Шалость
 Подгулявшего юнца,

Что за миг любви свободной
 На спор прыгнул бы с моста
 В женский день международный,
 В ночь Великого Поста...

САД

В комнате, где на обоях
 Майский яблоневый сад,
 Сыновей твоих обоих
 Фотографии висят.

Сад немножечко увядший –
 Поцвети-ка двадцать лет!
 Дима – старший,
 Саша – младший.
 Саша – грустный,
 Дима – нет.

Дети маме не клянутся,
 Как избранницам своим,
 И когда они вернутся
 В сад свой –
 Знать лишь им двоим

Да ещё, наверно, Богу,
 Что весеннею порой
 Выбрал каждому дорогу:
 Каждый – первый!
 Не второй!

Нет ни младших и ни старших –
 Крест неси!
 А нету сил –
 Здесь не жалуют уставших,
 Не берут их на буксир.

И никто не удивится,
 Коль, теряя аппетит,
 Оптимист, что веселится –
 Вдруг однажды загрустит.

Полосатой зебры принцип
 Бог включает!
 Разрешит –
 Пессимист весёлым принцем,
 Несмеяну рассмешит!..

Так, работая на Даче,
 Называемой Землёй,
 Ставит Бог свои задачи
 Перед каждою семьёй.

И относится, не скрою,
 К нам Он, к дочкам, и к сынкам –
 Как садовники к подвою,
 К новым саженцам, к дичкам.

Все мы – славная рассада:
 Каждый уникам, гибрид.
 Но не зря во имя Сада
 Хлам в костре Его горит!

Коль душа не станет храмом,
 Не вкусит небесных сот,
 Тело Он считает хламом –
 Выкорчёвывает сорт!

Обижать ли, обожая? –
 Но селекцией садов
 Повышают урожай
 И изысканность плодов...

ПРИЗВАНИЕ

Человек, не чувствующий рифмы,
 Стать хотел известнейшим пиитом,
 Человек, не бравший логарифмы,
 Стать хотел учёным знаменитым.

Первый, в стихотворческом угаре
 Доконав несчастного Пегаса,
 Покупал рецензии деньгами,
 Прилетя в Москву из Арзамаса.

И, вчерашний умница и скромник,
 Он водил чинуш по ресторанам.
 Он издал увесистый трёхтомник,
 Но прослыл глупцом и графоманом...

А второй, из школы исключённый,
 Грезя славой Лейбница и Бора,
 Жертвовал, как истинный учёный,
 Жизнь ради нового прибора.

Ночью провода запольхали,
 Взрывом опрокинуло избушку.
 Стал он разговаривать стихами
 И попал не в гении – в психушку...

Говорят: живут они убого,
 Ублажая похоть и утробу,
 Не прося прощения у Бога,
 Сея лишь неверие и злобу.

Человек, не бравший логарифмы,
 Мог бы стать известнейшим пиитом!
 Человек, не чувствующий рифмы,
 Мог бы стать учёным знаменитым!

И НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ

Сельское детство, ромашковый рай.
 Пристально смотрят с околиц
 Дед Николай и отец Николай.
 И Николай Чудотворец...

Годы студенчества. Угольный край,
 Шахты опасный колодец.
 Дед Николай и отец Николай.
 И Николай Чудотворец...

Свадьба запела – ты ей подпевай.
Водочку пьют и ликёрец
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...

Звон колокольный
сыновних сердец.
Что же взамен, комсомолец?
Дед умирает. Остался отец.
И Николай Чудотворец...

Лень сыновьям постоять у икон –
Вырастет грех твой, утроясь.
Дед и отец – далеко-далеко.
Лишь Николай Чудотворец...

Снится: у рая – раскаянья грай,
Толпы молящего люда.
Каждому нужен Святой Николай,
Каждому хочется Чуда!

– Эй, богомолец с терновым венком,
Что так угрюмо молчишь ты?
Что-то ведь понял ты, став стариком?..
– Что Николаич я. Трижды!..

ПАСХА

Приезжал я в деревню на Пасху,
Ощущая её благодать –
Как спектакля красивую сказку,
Где совсем не придётся страдать.

Где простые и ясные роли, –
Где всегда у порога чудес
Предъявляют простые пароли.

Самый первый –
Христос воскрес! –
Я легко говорил: по привычке.
(Как днём раньше легко – на втором,
На заветном пасхальном яичке –
Я ХВ рисовал серебром...)

Ах, как бабушка внука встречала!
И, чтоб мой не пропал интерес,
«Да, воистину, – мне отвечала,
Как и надо по роли, – воскрес!»

Ярко-ярко лампадки горели
И в светёлке, и в зале всегда.
Пусть не все мы, – коль честно, – говели,
С пасхи лишь начиналась еда.

Пировала в тепле и покое
Деревенская наша семья.
А за что же нам счастье такое –
У родных не выпытывал я.

И смотрел я на мир без опаски,
И не видел Терновый Венец,
Потому что считал, что у сказки
Может быть лишь счастливый конец...

Но давно уж – те сыграны роли,
Учит жизнь – так, что искры из глаз,
И давно уже – требует крови
В наши краски искусство от нас!

Я давно серебром не рисую:
Тень иудства чернит серебро –
Ничего не свершается всуе,
Чтобы злом не сверкнуло добро...

По камням свои ноги мочая,
На плечах своих чувствуя Крест,
Я тащу его честно в начало
Сказки той,
Где Христос наш – воскрес!

Хоть рябины – как вбитые гвозди,
И так страшно их гроздь красны,
Я иду, – будто к бабушке в гости,
Где всё просто: где роли ясны...

ПЕРВЫЙ СЛОГ

*Александрю Пешкову,
автору повести «Крестьянин»*

Чёрт крестьянина дурачит:
«Это – удаль, а не пьянство!..»,
После пьяного морочит:
«Чем же плох чертополох?..»
Крикну в чёрное пространство:
«Ты жива ль, душа крестьянства?» –
«Слава Богу, – отвечает, –
Выручает первый слог!..»

И порою сенокосной
Я иду тропинкой росной
На серебряный свирельный
Соловьиный посвист кос.
Рядом с церковью безголосной
Там, в селе, живёт мой крёстный,
Что уверен: лучший праздник –
Это русский сенокос...

Вместе с ним косить мне лестно.
Он всегда: «Тебе не тесно?..»–
Со своей подначкой хитрой,
Только я себе не враг:
Отставать неинтересно –
Всё всему селу известно.
Ну а крёстный мой – двужилный,
Хоть и выпить не дурак.

Но я знаю: за неделю
Он готовит косы, грабли –
Стук весёлой наковальни
Будоражит всё окрест.
И, чтоб руки не ослабли,
Зарекается: «Ни капли!..»,
Даже крест свой надевает,
Хоть весь год не носит крест.

Спит в сарае на диване,
Всей своей вчерашней пьяни

Говорит, не церемонясь:
«Вот вам Бог, а вот – порог!...»
Взгляд – орла! Походка – лани!
Крест – как меч на поле брани!..
Он – крестьянин. Я – крестьянин.
И акцент – на первый слог!

БАБУШКАМИ КРЕЩЕНЫ

Дети канувшей страны,
Беспощадной и могучей,
Бабушками крещены
Тайно мы –
На всякий случай.

Но, крещенью своему
Не придавшие значения,
До сих пор идём сквозь тьму,
Роковые увлеченья.

И на минном поле мук –
Бесшабашно чистим перья...
Долго как нам сходит с рук
Наше гордое неверье!

Долго как вопрос ребром
Нам не ставят: либо - либо, –
Только чудом и добром
Наставляя терпеливо!

Не предъявлен счёт ещё
Страшной смерти неминучей:
Всё же бабушкой крещён
Каждый был –
На всякий случай...

ПСАЛТЫРЬ

Над могилой ива и калина,
Грустные, склоняются в мольбе.
Бабушка моя, Екатерина,
Царствие Небесное тебе.

Сколько отчитала ты, отпела,
Так же вот, склоняясь и скорбя!
Твой псалтырь лежит теперь без дела –
Нет у ученицы у тебя.

Горькое торжественное пенье
Непрерывно с ночи до утра
Требуется особого терпенья –
Не смогли ни мама, ни сестра.

Видимо, не каждому по силам,
Что благословенья благодать,
Всё равно: богатым или сирым –
Сопереживать и сострадать.

Ты ж слезу скупую вышибала,
Хрупкая, склоняясь к образам,
У такого грозного амбала,
Что давно не верит и слезам.

И с тобою пела и рыдала
Вся родня печальная подчас.
А ведь ты усопшего видала
В первый раз
Да и в последний раз...

Избранные смотрят, как с вершины,
В наши души, полные страстей –
Ведь не зря же ездили машины
За тобой из дальних областей.

До сих пор тебя не забывают
Люди и Природа:
До зимы
Над тобою птицы распевают
Нежные хвалебные псалмы.

Над могилой ива и калина,
Грустные, склоняются в мольбе.
Бабушка моя, Екатерина,
Царствие Небесное тебе!

КРАСНОДЕРЕВЩИК

Церковь старая, что бабушка любила,
На холме белеет, сердце веселя.
По дороге к ней – то ива, то рябина,
Липы, ясени, берёзы, тополя.

И мне кажется: задумчивые лица
На меня глядят с надеждой из ветвей –
За деревья меня просят помолиться
С кроткой страстью доброй бабушки моей.

Говорят:
«Поставь хоть маленькую свечку:
Ведь без нас
(И наша жертва не проста!)
Для иконы не найти тебе дощечку
И не сделать поминального креста...»

А когда придут минуты роковые,
Только мы с тобой останемся одни:
Заклучим тебя в объятья гробовые,
Помня бабушкино: «Боже, сохрани!...»

ПЕРВЫЙ ПОСТ

Геннадью Иванову

«Я не могу как следует поститься...»

Г.Иванов

Я не умел как следует поститься –
И всё-таки постился я как мог!
Серебряное снилось мне Копытце,
Бурёнушка, Жар-птица, Горбунок.

Я даже в церкви не был три недели,
Лишь наспех перелистывал Завет.
И снились мне – святыни Иудей,
Эммаус, Вифлеем и Назарет.

Не знал молитв, не помнил я каноны –
Я пел из полюбившихся стихов.
Но не пиита снилась мне корона,
А мой венец – с шипами из грехов.

В конце Поста, когда смущали яства,
Но до поры ни капельки нельзя,
Приснился Рай: мать говорила «Здравствуй!»,
Любимые встречали и друзья.

«Я выдержу! Изыйди, Искуситель!
Не брошу Крест!..»
И, с облака сойдя,
Приветствовал рукой меня Спаситель
Со шрамом, чуть заметным, от гвоздя...

Великий Пост – ужасный, но прекрасный, –
Великий Праздник воли и весны,
Благодарю за подвиг не напрасный
И разум пробуждающие сны!..

СУЖЕНЫЙ

В дом любой входя – врага ли, друга ль –
Свято соблюдает он закон:
Крестится и кланяется в угол,
Даже если в доме нет икон.

Знает он единственный из класса:
Родилась ты в праздник Покрова.
Но его костюмы – словно ряса,
Проповеди – пресные слова.

Кто ж твоя он – прихоть или шалость:
Ведь неясно слоникам одним,
Что ему звонишь ты, потешаясь,
Что смеёшься, дурочка, над ним.

Вот он опускает очи долу,
В уголок садится на скамью, –
Но тебя он выбрал – словно долю,
Долю непреклонную свою!

И когда б во взгляд его железный
Ты проникла, встав над суетой –
Поняла б, что шутишь ты над бездной
Или бесконечной высотой.

ПОХОЖАЯ НА ОБРАЗА

Тебя разглядывают модницы,
И я гляжу во все глаза.
Ты носишь имя Богородицы,
Похожая на образа.

И на тебя молиться хочется,
И сердце чувствует вину –
В бессильной злобе черти корчатся,
Зовя на помощь Сатану.

Ужель, науськан Искусителем,
Седые выкрашу виски,

И заявлюсь в твой дом просителем
Девичьих сердца и руки, –

И разглядеть не в состоянии –
Слепит влюблённости слеза:
Ты – всей России достояние,
Похожая на образа?..

В гуляющей и праздной публике
Спешу записывать в блокнот,
Как золотой запас Республики
В берете розовом идёт.

Идёт с улыбкою доверчивой
По русской, гибнущей во зле,
По просолённой и проперченной
Словечком матерным земле.

А зло накачивает силушку,
А зло оттачивает месть...
Жалея сломанную ивушку,
Пойми пророческую весть:

Здесь так с красивыми обходятся,
С тем, кто не гнётся, как лоза!
Спаси, святая Богородица,
Похожую на образа!..

Не зря я вглядываюсь мнительно,
Как рыцарь, вскормленный с меча,
Хотя бы ангела-хранителя
Узреть у нежного плеча.

Он чудится мне в нимбе розовом:
Лик – юн,
А крылья... прожжены
Слезой боярыни Морозовой
И Таракановой – княжны!

* * *

Пусть за всё отвечает Господь,
Но и сам ты за всё отвечаешь:
Ты молитвою страстную плоть
И суровым постом укрощаешь.

Ты не ждёшь, свою дверь затворя,
Тех, с кем было легко и приятно.
Добровольная схима твоя
Никому из друзей не понятна.

Ну не ты ли всё ставил на кон,
Отбивал их девчонок не ты ли?
А когда на столе самогон –
На троих не хватало бутылки.

Были правила жизни просты –
Ты ни разу не выдал испуга.
А недавно промямлил: «Прости!»
И не тронул нахального друга.

Что случилось-то? Раньше б – убил!
А подравшись – и снова за пьянку...

Но вот глянул Господь – полюбил
Православную ты христианку.

АРТИСТ

Чем больше – тем лучше, спешу поступать по-мужски,
А значит, по-твоему, каждой успеи насладиться.
В огне твоей славы горят они, как мотыльки,
Порою наутро ты вспомнить не можешь их лица.

Но девочку эту, что снова пришла на концерт
С одним лишь цветком и, видать по всему, недотрога, –
Будь щедр! – пожалей и включи её в жалкий процент
Твоих неудач, ведь они могут быть и у Бога.

Понятно, не Бог ты, но ты человек непростой:
Ты чуткий артист и грессишь ты без умысла злого, –
И счастье твоё, коль увидишь ты нимб золотой
Над девочкой этой – и ей ты не скажешь ни слова.

Такие ночами не ходят в загаженный парк,
По тёмным подъездам не жмутся, пивком угощаясь.
С княгиней Ольгой, с Перовской и с Жанною д'Арк –
Вот с кем они дружат, их славы ничуть не смущаясь.

Они рождены не для тайных любовных усад:
Жить жаждой пороков и меркнуть, глотая лекарства.
Их жгут на кострах – но они на кострах не горят!
Их ссылкой губят – но после венчают на царства!..

Когда твою душу, – чтоб выбрать ей место в аду,
Начнут вопрошать: почему не жила по закону? –
Спасёт её то, что не тронул ты девочку ту:
Она подросла – и с неё написали Икону.

ИВАН И ПРИНЦ

...А с годами всё понятнее,
Что не столь уж далеки
Мудрецы невероятные
И смешные дураки.

Принц влюблённый горе мыкает,
Пишет умные стихи,
А Иван придёт, помыкает:
Мол, желаю в женихи!

Не нужна Ивану палица,
Ни стихи, ни колдовство, –
На принцессу молча пялится –
Глядь: она жена его!

Раскрасавица и честная!
И, хоть рыжий ты, рябой –
Царствуй, Царствие Небесное
Ощущая над собой!..

Ну а принц пойдёт к философам,
Примет муку и суму,
И метнёт он в небо посохом:
«Почему – не по уму?..»

А ему б молиться: «Верую

В Ум Небесного Царя:
Пусть Своей отмерит мерою –
Всё приму, благодаря!..»

Зрит мудрец, и знают кроткие:
Не всегда решает пот –
Для иных пути короткие
Резервирует Господь!

ОРИЕНТИР

На озере Дубовом волна такая злая,
По берегам болота – не пристать.
Разрушенная церковь Святого Николая,
Спаси ты нас:
Не дай нам заплутать!

Байдарку залило, промок путеводитель,
Давно в работе кружки и казан.
Но есть ориентир!
И Ангел – мой Хранитель
Его на горизонте указал!..

Мы еле догребли,
Мы чуть не потонули,
Мы вышли на единственный мысок,
Где твердь и где дрова.
И вот не потому ли
Я вижу крест, что ярк и высок,

Я вижу:
Крест горит над новой колокольней,
Сияет Вифлеемскою звездой!
Я не могу идти дорогою окольной:
Глаза в глаза я встретился с бедой.

И есть Ориентир:
Не мстя, не укоряя,
Взять мастерки и всем до одного –
К разрушенным церквям Святого Николая,
И всех Святых,
И Спаса самого!

ДЕВУШКА СТОЯЛА У ПРИЧАЛА

Девушка стояла у причала
В деревеньке маленькой тверской.
Посмотрел – и песня зазвучала:
Не встречал нигде красы такой.

Не встречал очей таких небесных,
Нежного прелестного лица,
Не встречал волос таких чудесных,
Что достойны царского венца.

Шёл загар ей,
Шёл ей ситец пёстрый,
Шла ей селигерская вода.
И с тоской пронзительной и острой
Понял: вновь не встречу никогда.

Никогда – очей таких небесных,
Нежного прелестного лица,

Никогда – волос таких чудесных,
Что достойны царского венца.

Не Москва – глухие деревушки
Сохранят, как тайные скиты,
Как свои заветные церквушки,
Нашей Богородицы черты...

КОЛОКОЛЕНКА

Восемь дней мы гребли без устали,
И рубеж загаданный взят.
С колокольни Ниловой Пустыни
Мы оглядываемся назад.

Вспоминаются дали дальние,
Песни долгие у костра,
Вспоминаются Богом данные
Селигерские вечера...

Дым струится, стирая лица –
Но отчётливо вижу ту,
На какую перекреститься
Захотелось мне красоту.

И мне кажется: не случайно я
Ждал и нежность приберегал
Для очей твоих
Цвета чайного,
Цвета сосен по берегам.

Всё – родное, и всё – в диковинку,
И я знаю: навек уже,
Будто звонкую колоколенку,
Унесу я тебя в душе!

Унесу я тебя, высокую,
С песней щедрою и простой,
Камышом и речной осокою
Выводящую на простор.
Чтоб в моей Одинокой Пустыни
Свет сосновых очей светил,
Чтоб идти мне всегда без устали
На надёжный ориентир.

* * *

Когда влюблённые тела
Влюблённые соединили –
Как будто бы колокола
Торжественные зазвонили.

И показалось в этот миг:
Тебя любил он –
Как молился, –
И крестик меж грудей твоих
То прятался, то возносился.

Благоухал цветущий луг,
Шумел ручей,
Парила птица,
И не хватало губ и рук
Друг с другом нежностью делиться.

И каждый чувствовал:
Он часть
Другого
И Кого-то, – словно
Он вам открыл:
Такая страсть –
Божественна, а не греховна.

В момент зачатия звезды,
И гения,
И страстотерпца
Он верит:
Лучшие плоды –
Плоды не похоти,
А сердца!

ЯБЛОНЬКА НАД ПОМОЙКОЮ

Когда тебе кажется: уж ничто не обрадует –
Всё видел ты, всё оценил,
Яблоки спелые съедаются –
И падают
Семечки из сердцевин.

Ты их с пола сметаешь веником,
Уносишь с мусором в бак.
Птицы голодные кружат над сквериком,
И рыщет свора собак.

И сразу же всё доклёвано, догложено:
Ни косточек, ни зёрен, ни крох.
Одно лишь семечко крылом отброшено
Под камень – так хочет Бог!..

На жизнь бесцельную, на долю горькую
Ты ропщешь: мол, нету сил.
Но знает Он:
Яблоньке цвести над помойкою!
И ты – то ведро выносил.

ПОЛЯ ОЗИМЫХ

Из ранних сумерек,
Незримых
Потёмков детства моего
Поля осенние озимых
Являются, как волшебство,

Как сладкой взрослости загадка,
Одна из тайн,
Одна из вех,
Где неожиданна и кратка
Жизнь, уходящая под снег!

Что это:
Страшное коварство,
Где, убивая, не убьют
И где, подмешанный в лекарство,
Яд, как снотворное, дают? –

Или прообраз Воскрешенья,
Где новый стебель
И жнивье,

Где муки бывшие,
Лишенья
Во благо, всё-таки, твоё?..

ЗАВТРА ПАСХА

Страшный день, страстной, субботний,
Помолясь, переживи:
Завтра Пасха – сын Господний
Вновь воскреснет для Любви!

Только бы достойно прожит
День был этот – без Него.
Завтра Пасха – Он поможет
Славе дела твоего.

Ты споткнёшься – Он поддержит,
Зная: трудно Крест нести,
Опечалишься – утешит:
Есть и лёгкие пути.

Есть – свободней, беззаботней.
Но ты сам, не кто-нибудь,
Выбрал путь страстной, субботний –
Честный, тесный Крестный Путь.

Сам себе ты напроорочил
Завтрашнее торжество,
Зная: нет Пути короче
К Пасхе дела твоего!

ПОРА!

Нас бесы вяжут тросами
И жгут надежд мосты...
Пора пройти прокосами
На отчие кресты!

Зачем пути окольные? —
Есть путь наверняка:
Ведь церковь с колокольнею
Видна издалика.

Сыны эпохи сталинской
И брежневская рать,
Пора той церкви старенькой
Нам камни собирать!

Пусть небо вновь вращается
Вокруг её оси,
Пусть новый день венчается
Со славою Руси!..

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦЕРКВИ В НИКОЛЬСКОМ

Шли тропюю мы грешной и скользкой,
Долго-долго мы шли под уклон...
Возрождение церкви в Никольском –
Покаяния общий поклон.

Век безбожия – страшная школа:
Мы не ведали, что же творим.

Помоги, Чудотворец Никола,
Возвратиться к святыням своим!

Хватит русской душе разрушаться,
Опускаться бескрыло во зло –
Наступила пора возвышаться,
Вспомнить небо и лечь на крыло...

Мы готовы к любым перегрузкам,
Только б райской дышать высотой,
Только б вновь нам поверили:
Русский –
Означает подвижник святой!..

НОВОДЕЛ

Он один такой окрест, –
И всё горше, беспокойней
Зреть душе нерусский крест
Минаретной колокольни.

На него, почуяв страх,
Не садится даже птица.
На него, почуяв прах,
Старость станет ли молиться?..

Бездарь был или злодей, –
Но о сходстве не радел он,
Тот, униживший людей
Беспардонным новоделом.

Согрешил не потому ль,
Обманул не потому ли,
Что в безверье потонул?
Да и все мы потонули!

И, подсовывая хлам
Барахла и святотатства,
Воздаём не по делам –
По законам панибратства.

Наши ложные кресты
И униженные храмы –
Ненадёжные мосты,
И отложенные драмы...

* * *

Я теперь мечтаю не о многом:
Счастья нету за родным порогом –
Хорошо лишь с книгами и с Богом
В сумерках лиловых ноябрю
В отчем доме, в кухоньке убогой –
Восхищаться дальнею дорогой,
Незамысловатым ясным слогом
Про неё блокноту говоря!

РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Служила ты нам самобранкою–скатертью,
За волей и славою шли мы в поля.

Я пасынком не был – но звал тебя матерью
Скорей по привычке, родная земля.

В то время, когда ещё бегал с рогаткою,
С душой неболящей, наивной, святой,
Не мамой, не бабушкой даже – прабабкою
Была мне и всей пионерии той.

О тёрн, о стерню мои ноги исколоты,
Душа тяжелела и зрела, как плод –
И бабкой, родная, мне стала не скоро ты:
Я помню тот гроб, тот студенческий год.

На детство далёкое, юность туманную
Сквозь слёзы гляжу, постигая судьбу:
Чем нужно платить, чтобы стала ты мамою? –
Сокровищем сердца в хрустальном гробу!..

И с каждой потерей всё ближе, дороже ты.
Никто не оспорит сегодня: ты – мать!..
Когда будут годы последние прожиты,
Родная, скажи, как тебя называть?

АТЕИСТ

Как в ранах, в орденских планках
Пришёл он к нам на урок –
И вспомнил кресты на танках,
Что в сорок первом жёг.

Сколько крестов крылатых
Видел он у мостов,
Бомбами в душу вмятых,
Бреющих рожь крестов!

Будто бы Вера с Ложью
Бились там в рваных рвах!
Чья: Сатаны иль Божья –
Свастика на рукавах?

И за что эти руки
Даже детей и жён
Рубили,
Как мясорубки
С крестообразным ножом?

И почему Спаситель
Ангельский полк Христов
К ним не послал: «Спасите!
Смойте же кровь с крестов!..»

Если меняют лики
Символы на войне –
Это же грех великий,
Это же грех вдвойне.

Так не судите строго
Меркою школьных книг,
Что отвергает Бога
Выживший фронтовик,

Что, не прося пощады
У памяти грозных битв,

К звёздам он обращает
Ныне слова молитв...

Верю: таким простится –
Золота ржа не ест –
Их отучил креститься
Обманный паучий крест...

* * *

...А когда я душой неспокоен,
Я иду по любимым местам –
У святых постоять колоколен,
Поклониться высоким крестам.
Их советы певучи и гулки,
А порой – молчаливы, тихи.
Помогают мне эти прогулки
Мудро жить и не множить грехи.
И растить ощущение полёта,
И с надеждой смотреть в небеса,
Где мерцающий крест самолёта
И где ангельских труб голоса...

ЧУДЕСА

В сутолоке повседневной,
В шуме городов
Очень мало тех, кто смотрит
Выше проводов.
Очень мало тех, кто видит
Небо в небесах,
Очень мало тех, кто ищет
Бога в чудесах.

Потому, когда такого
Встретишь чудака,
Кто подолгу бестолково
Смотрит в облака,
И, куря, в волненье, в раже
Прожигает фильтр, –
Ты скорей поверишь даже
Что он – Коперфильд...

МОНАСТЫРИ

России витязи былинные,
Столетий зная мёд и яд,
Стоят монастыри старинные,
Святые пустыни стоят –

Храня, отстаивая таинство,
Величье русской старины
И святость истинного равенства:
Мы перед Богом – все равны.

Они с людьми – в беде и в радости.
Так что ж, болезнью и тоской
Смущённые лишь, ищем благости –
Идём в обительный покой?

Идём застыть перед иконами
В слепой неистовой мольбе –

Постигнуть счастье быть покорными
Всевышней Воле и Судьбе.

И верить: все, молясь без усталости, –

И старцы, и богатыри, –
Воскреснем вновь,
Как наши пустыни,
Как древние монастыри.

III. О СЕМЬЕ

(цикл стихов)

ДНЕВНИК

Людмиле

Я нашёл его случайно
Среди старых школьных книг,
И не понял я сначала,
Что тетрадка та – дневник.

А когда прочёл запоем
Чью-то юность, чью-то грусть,
А когда уже запомнил,
Повторяя наизусть,
Всё до строчки –
Зарябило
Вдруг в глазах, и обомлел:
Это – жизнь моей любимой!
В ней – ни слова обо мне!

Устыжусь: читал!
Но каюсь
В той нечаянной вине.
Да и что дневник твой? –
Казус,
Где ни слова обо мне!

В нём – чужие люди жили,
Милой думы полоня,
И нисколько не тужили,
Что не знают про меня...

Наконец, припомнив даты,
Смог я истину извлечь:

Был закончен он когда-то
В предэпоху наших встреч!

Почему же то пустое,
Чтоб, быть может, в дневниках
И описывать не стоит –
Не забудется никак?

Тени тайного укора
Закрывают небосвод.
Переплёт из коленкора –
Мой невольный переплёт...

И, растерянный, ревную
К тем, к далёким временам,
Где судьбу свою иную
Ты звала по именам...

«БЫТЬ МОЖЕТ»

*Самые популярные женские духи
моей молодости назывались «Быть
может». Их запах напоминал запах
цветка «душистый табак»*

Я заметил (а вы замечали?):
Травы, звезды, цветы, дерева
Опьяняюще пахнут ночами –
Так, что кругом идет голова.

И кружится, кружится, кружится...
Не ложится,
Подходишь к окну,
И далекие девичьи лица
Возникают,
Хоть любишь одну.

Ведь не сразу она отыскалась,
От жестокой спасая тоски,
И душа, как в потемках, толкалась
В чьи-то губы, ладони, платки.

Пахли солнцем горячие косы,
Обещали, надеждами жгли,
Правя миром.
Дурманили росы
И дожди ароматные шли!..

Но я видел:
В проеме аллеи,
Где на клумбах душистый табак,
Той, единственной, руки белели
И улыбка цвела на губах.

Та улыбка поныне тревожит,
Коль ночами стучится в стекло
Запах стольких далеких «Быть может»,
Хоть и быть ничего не могло.

* * *

Вид больничных коридоров –
Краски скучные зимы.
Люда хочет помидоров,
Апельсинов и хурмы.

За окном – забор и насыпь:
Ни листочка, ни травы.
Люда хочет ананасов,
Сок граната и айвы.

Снег и белая палата –
Мир безжалостных шприцов.
Люда хочет винограда
И зелёных огурцов.

Чтобы огненно лучились
Солнца сочные плоды,
Чтоб глаза её лечились
Буйством красок и еды,

Я шагаю, магазины
Мимоходом костеря, –
О, базарные грузины,
Вы придуманы не зря!

Пусть конец моей зарплате
В этих рыночных рядах,
Будет в Людиной палате –
Как в сентябрьских садах!..

Вид больничных коридоров –
Краски скучные зимы.
Люда хочет помидоров,
Апельсинов и хурмы.

За окном забор и насыпь –
Надоевший колорит.
Люда хочет, ананасов,
Но про то не говорит.

Гладит слабою рукою:
Дескать, как с лица я спал,
И чтоб всякое такое –
Больше ей не покупал.

И наказывает Люда
Лука завтра принести:
Хочет свой кусочек луга
На окошке развести...

РОДИНКИ

У тебя их тридцать три.
И, любя напропалую,
Вновь я родинки твои
Пригублю, перецелую.

Как безумный звездочёт,
Перечту, не понимая:
Почему меня влечёт
Их загадочность немая...

О, скажи – скажи, Звезда
На запястье обнажённом:
Ну за что так мстят года
Нашим суженым и женам?

И, Созвездие у рта,
Вразуми:
Зачем из плоти,
Смертной плоти красота? –
Ведь лета уж –
На излёте!

Звёзды плеч, щеки, виска,
Вас по чьей недоброй воле
Завтра скроют облака
Ранней старости и боли?..

Нет, молчите! –
Не нужна
Мне проклятая разгадка.
Ведь поныне имена
Мне придумывать вам сладко...

* * *

Нет любви, кроме боли,
Нет покоя, кроме сна –
Даже в свадебном альбоме
Ты предательски грустна.

До сих пор, как из тумана,
Из счастливейшего дня,
Смотрит–смотрит Несмеяна,
Чуть не плача, на меня.

И шепнуть готовы губы:
«Ты себя хоть пожалей:
Иль не видишь ты, нелюбый,
Плахи медленной своей...»

ТЕРУНКИ

Напеки мне, мама, наших терунков,
Как умеешь только ты одна испечь, –
Чтобы сбросить этак двадцать пять годков,
Чтоб дрова трещали, чтобы грела печь,

Чтоб незастелённый выскобленный пол
Пах сосновым лесом и глаза слепил,
Чтобы всей семьёю сели мы за стол
И глотали слюнки, предвкушая пир.

Чтобы ты порхала со сковородой,
До самозабвения щедростью лучась,
И была такую страшно молодой –
Младше, чем сестрёнка младшая сейчас.

Чтоб дышал уютom наш почти сарай,
Комнатка с окошком, сказочный шалаш,
Где с тобою, милой, даже бедность – рай,
Где ты – берегиня, добрый ангел наш...

Пудинги – заели, калачи – горьки,
В магазинах в будни – выставки торгов!
Но не продаются, мама, терунки –
Испеки хотя бы из пяти картох!

Я их сам очищу, я их сам натру,
Сам потом помою чашки и ножи.
Городским горячкам – труд не по нутру!
Но рецепт одной ты – всё ж перепиши.

И пока с улыбкой грустной на лице
Карандаш, кусая, держишь ты у рта,
Не забудь, родная, приписать в конце:
Там, где «соль по вкусу», – слово «доброта».

ОДИНОЧЕСТВО

Как порою плакать хочется,
Непонятно отчего!
Ты боялась одиночества
Больше, чем любви его.

Не любила да ответила,
Завлекла, свела с ума,
И единственного, третьего,
Лишним сделала сама.

И сбываются пророчества:
В доме холодно твоём –
Нет страшнее одиночества,
Одиночества вдвоём.

ДВОЕ

Облокотилась о перила
И, глядя на воду с моста,
Всё говорила, говорила,
А он всё думал:
«Неспроста!»

И ждал какого-то подвоха,
Ведь всё же помнил – не постил.
«Раскукарекалась, дуреха,
А я и уши распустил.

Отобрала квартиру, сына,
Не объяснила: чем же плох,
И ничего не попросила,
И не пускала на порог.

Дари ей,
Тоже мне Джульетта,
Цветы, открыточки – тоска!
Ей надо принца из балета,
А не простого мужика.

Бывало, выпью – и не нужен:
Готова, кажется, убить...»

Прощаясь, думал:
«Стынет ужин!»,
Она:
«Как трудно разлюбить!»

* * *

Ослабела душа, оробела:
Вновь заходит отчаянье в тыл,
И не радуется даже победа,
За какую сполна заплатил.

Я плечами опять пожимаю,
Я любимую взглядом ищу –
Но один я плоды пожинаю,
Но один я надежды ращу.

На руках и на сердце мозоли.
Но храбрюсь я:
«Еще поглядим!» –
Хоть и знаю: в беде и в позоре,
Коль случатся,
Останусь один.

Моя горечь – тебе не горчила,
Мне родное – не стало родным.
Поражение терпит мужчина,
Если женщины нету за ним.

ЭСКИМО

Что ты загрустила, золотая?
Что глядишь потерянно в трюмо?
Исчезает, незаметно тая,
Молодости нашей эскимо.

Сладкое кончается так скоро,
А воспоминания – горчат,
И полны неясного укора
Очи самой лучшей из девчат,

Очи не зазнайки, не пустышки,
Очи той, что ягодка опять!
Вот уже в троллейбусе мальчишки
Место тебе стали уступать?

Так присядь!
Пора им – жизнь всё краше! –
Бегать с их подружками в кино,
Пробовать похощее на наше,
Но своё, другое эскимо.

Как им, сладкоежкам, не позволишь?
Что им нашей опытности груз –
Что с того,
Что палочка всего лишь
Остаётся, как войдёшь во вкус?..

НОВОГОДНЯЯ ПЕЧАЛЬ

Выключай кипящий чай,
Режь пирог коронный с мёдом.

Новогодняя печаль
Всё печальней с каждым годом.

Ни шампанским не запить,
Ни заесть её конфеткой:
Страшно так тебя любить
С каждой новой пятилеткой!

Страшно знать, что смертна плоть,
Ощущать, что стал стареть я!
Но, однако, дал Господь
Встретить новое столетье...

Ты прости, что припадать
Потихоньку стал я к зелью:
Мне ведь первым покидать
И тебя, и нашу землю.

Первым тропочку торить –
Я всегда любил разведку.
Даст ли Бог боготворить
Вновь тебя хоть пятилетку?

Ведь не зря ж приходят в сны, –
И в метель, и в зной, и в слякоть, –
Словно Блока,
Две жены –
Русь и ты – меня оплакать...

* * *

Не спрашивайте женщину любимую,
Не спрашивайте ту, что Вам нужна,
Свою зазнобу, нежностью знобимую:
За что Вас любит? Почему нежна?

Зачем Вам знать, зачем у ней выпытывать,
Целуя загорелое плечо?
Зачем судьбу капризную испытывать:
Она Вас любит – что же Вам ещё?

Ничем она не сможет Вас порадовать –
Она Вам не ответит: почему?
Есть бездны, в кои лучше не заглядывать,
Есть тайны, неподвластные уму.

Дна не достать – опасного, глубокого,
Хоть спелеолог Вы, хоть скалолаз.
Скажите же, Счастливчик:
«Богу – Богово!»,
Молчанию любимой поклонясь!..

Когда ж она разложит всё по полочкам:
С машиной, с дачей, холост и непьющ, –
Зовите – хоть берёзонькой, хоть ёлочкой,
Она – паразитирующий плещ...

СВАДЕБНЫЙ СЕРВИЗ

Как уберечь стеклянные подарки:
Они как будто склеены из брызг.

Где наш любимый чайник для заварки
И сахарница? Вырвались – и вдрызг!

И вот ещё – я помню эту сцену:
Ревнуя, ты устроила бедлам –
В сердцах ты чашку грохнула о стену,
А блюдце – от осколка пополам.

Так исчезало свадебное чудо:
Сервиз дулёвский – белый, как фата...
Любимая, ведь это не посуда,
А наша нежность, наша красота!

Когда добьются чашечки и блюдца,
Поймём внезапно, вслушиваясь в тишь:
От счастья только брызги остаются!..
Но ты храбришься –
«К счастью!» говоришь.

ЗАКЛЕЙКА ОКОН

Людмиле

В подъезде слесаря стучат по батареям:
Давно пора тепло в квартиры подавать...
Бесценный друг, давай все окна мы заклеим,
Чтоб, как всегда, в тепле здесь жить да поживать.

Ах, как же я люблю варить наш клейстер вместе
И резать вдоль рулон на двадцать пять полос,
И в нынешней, в тебе – увидеть, что в невесте
Когда-то разглядеть мне, к счастью, удалось.

Не надо говорить, что проще есть решенье:
Стеклопакетный рай – звони – и привезут,
Не надо оскорблять процесс омоложения, –
Ты светишься, творя семейный наш уют.

Взрослеют сыновья, и, – хочешь ли – не хочешь, –
В ранг бабушки тебя вот-вот уж возведут,
Но как же юно ты, задиристо хлопочешь!
Я до сих пор боюсь: увидят – украдут...

* * *

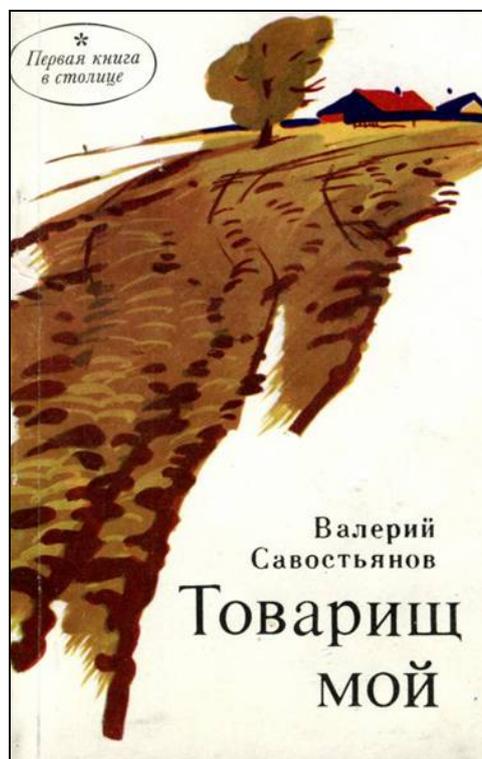
Что за ночь! Что за луна! А помнишь:
Было так же, милая, светло –
Над обрывом рвали мы шиповник,
Просто шли – да в голову взбрело.

Под луною ягоды алели,
Трепетал на листьях зыбкий луч.
Почему же рук мы не жалели,
Хоть шиповник дьявольски колоч?

Потому ль, что было всё в новинку:
Плод запретный звал тебя, лучась,
И, шутя, сдувала ты кровинку,
Над которой плакала б сейчас...

1982 г. Тула. В кругу семьи. С женой Людмилой и сыновьями Дмитрием и Александром.

М.: Современник, 1984

ИНТЕРВЬЮ

О ПРЕМИИ БУКЕР

Корреспондент "Столетия" беседует с Юрием Поляковым, главным редактором "Литературной газеты", известным писателем, драматургом и автором бестселлеров «ЧП районного масштаба», "Сто дней до приказа", "Апофегей", «Козленок в молоке», "Замыслил я побег" и др.

– Юрий Михайлович, знаю, что отношение к премии Букер у Вас неоднозначное.

– Далеко неоднозначное. Я даже сатирически изобразил ее под видом Бейкеровской премии в романе «Козленок в молоке». Считаю, эта премия, в общем-то, к реальной литературе, за редчайшим исключением, отношения не имеет: люди получают премии не за качество художественного текста, не за какое-то художественное открытие, не за умение достучаться до читателя, а за верность определенной тусовке, в основном – экспериментально-либерального направления. Практически все книги, которые были отмечены премией, начиная с первой – «Линии судьбы, или сундучок Милошевича» Марка Харитоновна, присужденной в 1992 году, не имели никакой серьезной читательской судьбы. Да, их издали разок, они получили премию и тут же были напрочь забыты. Их больше не переиздают, не читают. А ведь уровень произведения подтверждается, прежде всего, востребованностью. Букеровские же избранники – абсолютно невостребованы.

– То есть, помочь сориентироваться в мире литературы Букер, на Ваш взгляд, не помогает?

– Более того, мешает. Когда много лет с большой помпой, с мощной PR-поддержкой СМИ премия вручается авторам, чьи книги не интересны ни читателям, ни издателям, то это дезориентирует, прежде всего, молодое поколение писателей. Они начинают опираться в своем творчестве на такой вот «букеровский стандарт», который интересен только узкому кругу приятелей и друзей, входящих в состав жюри. И это очень грустно.

– По Вашему, влияние Букера на литературный процесс просто негативно?

– Скорее, отрицательно! Я об этом когда-то написал: свободомыслию в России букеровская премия нанесла ущерба не меньше, чем 5-е управление КГБ СССР. Поясню. Дело в том, что условием попадания в орбиту Букера, как правило, становится либо полная аполитичность автора, то есть, демонстративное равнодушие к исторической судьбе своей страны, либо откровенный прозападный либерализм. Писатель, заподозренный в государственно-патриотических взглядах, вычеркивается из списка номинантов еще на дальних подступах.

Кстати, если мы возьмем ту же западную литературу, то увидим, что там практически все крупные писатели – это люди, прежде всего, настроенные патриотически по отношению к своей стране. Так что, Русский Букер не только не помощник отечественной литературе, а скорее такой многолетний, идейный и хорошо подготовленный вредитель, яркий пример манипуляции общественным сознанием, направленной на то, чтобы переориентировать молодое поколение писателей с социально значимых тем, социально значимых идей, на узко экспериментальные «герметические» темы. А ведь и «обкатка», и общественный анализ каких-то новых идей, новых моделей, у нас традиционно проходили в литературе – в прозе, в поэзии, начиная со «Слова о полку Игореве». В то время, как в Германии, скажем, это происходило в философии, во Франции – в газетном фельетоне, в театре. И букеровский проект направлен именно на слом нашей традиции, которая, так для нас важна.

– А кто из современных писателей Вам нравится?

– Мне многие нравятся. Скажем, Пелевин. Он единственный из постмодернистов, к творчеству которого я отношусь с интересом. Он действительно человек талантливый, в отличие от Сорокина, просто интеллектуального литературного хулигана. Павел Крусанов – замечательный, я считаю, писатель, тоже представитель постмодернистского направления. Валерий Попов, один из лучших бытовых реалистов. Тимур Зульфикаров – сложнейший писатель, соединяющий в себе славянскую и тюркскую стихии. Владимир Личутин, автор уникального произведения «Раскол». И

этот список можно продолжать сколь угодно. Никто из них премии этой не получал. А те же, кто получал премию, их даже никто толком не помнит. Вот Вы помните лауреатов Букера?

– Признаться, не очень...

– Так это естественно! Кстати, лауреат Иличевский. Мы в «Литературной газете» писали о нем – его же невозможно дочитать до конца! Так же, как и Михаила Шишкина. И это не только мое мнение. Еще раз хочу сказать: это проект, причем, достаточно серьезно финансируемый, направлен на разрушение нашей традиции. Для русского писателя всегда наградой была читательская любовь. У нас писателя лаврами увенчивали читатели. И это очень часто не совпадало, между прочим, с официальной оценкой. А здесь есть попытка навязать нам абсолютно чуждую парадигму, когда писателя обществу «втгохивает» какой-то узкий экспертный совет, состоящий из людей, как правило, одного мировоззрения, одной страты, одно тусовки. Позаимствовано это, кстати, у англичан, но интересное дело – книги, которые получают Букера в Англии, практически все написаны в традициях доброго английского реализма, может, с небольшими элементами постмодерна. И они все имели очень хороший коммерческий успех. Почти все были экранизированы. Почитайте и почувствуйте разницу! Издательство «Росмэн» выпускает библиотеку английского Букера.

– А из наших букеровцев кого-то экранизировали?

– Да, никого! А ведь это один из признаков реальной популярности, потому что кинематограф и театр всегда из литературного потока выбирают те произведения, в которых есть интересный сюжет, запоминающиеся образы, точная картина социальных и нравственных коллизий. Кто-то с ухмылкой скажет: вот и экранизируют же Донцову и Маринину... Но это разные вещи! Ведь мы говорим о литературе, а Донцова, Маринина, Дашкова – это более или менее качественная книжная продукция, совершенно другой вид деятельности, уважаемый, но к художественной литературе не имеющий отношения. Это, как кроссворд. Кроссворды тоже ведь словами пишут, но никто же их литературой не называет. Из всех поставили в театре, кажется, Шишкина, «Венерин волос». Думаю, сезон продержится. И все... Я убежден, букеровский проект, в том виде, как он у нас реализуется, абсолютно, даже злостно чужд нашей национальной культурной традиции.

– А вообще, что сегодня происходит с нашей литературой?

– Справедливости ради скажу, что та же картина с премиями наблюдается и на патриотическом крыле литературы. Там царит такой же тусовочный принцип: премии дают не за уровень текста, а за приверженность определенной команде и идеологии. Но надо отдать должное, там все-таки писателей известных, которых интересно читать, – побольше. А в принципе, ситуация в литературе, живой, а не премиальной, я считаю, сейчас нормальная. И молодежь интересная есть, вот Мамаева, к примеру. Она пишет, если так можно сказать, жесткую «постдеревенскую» прозу. Тот же Прилепин. И в среднем поколении есть замечательные авторы. Скажем, Вера Галактионова, у нее очень интересная женская проза, я бы даже сказал, – неженская проза женщины, очень богатая в жанровом и стилевом отношении.

– И, тем не менее, сейчас активно пропагандируются именно книги-лауреаты...

– В том-то и беда! Мы восприняли этот американский, навязывающий тип продвижения литературы. В ситуации, когда у нас кризис с чтением, это очень плохо и очень вредно, потому что молодой читатель особенно доверчив. Он увидел в глянцево-журнале или услышал по телевизору, что надо читать, скажем, премированного Иличевского, берется за него и понимает, что это читать невозможно. И у него складывается превратное представление, будто вся современная литература именно такая, нечитаемая. Пуститься же в самостоятельный поиск читателю порой просто некогда. Есть, конечно, узкий круг любителей литературы, которых не собьешь с толку никакими передачами «Графоман», они все равно найдут своего писателя. Но большинство-то доверяют вот этим рекомендациям. А результат: открывают Иличевского – читать невозможно, откроют Шишкина – читать невозможно, и подумают – да чего читать эту современную русскую литературу, лучше читать западную, или классику. В то время, как у нас есть замечательные писатели. Вот, например, Сергей Алексеев, работающий с материалами прославянской истории. Есть, кстати, Евгений Шишкин, гораздо талантливее Михаила, но кто про него знает? Вот в чем порочность этой ситуации: мало того, что дают премии не тем писателям, но еще и навязывают эту «недолитературу» читателю. И таким образом, в стране, где и так кризис чтения (некоторые социологи считают, что катастрофа чтения) еще таким образом и отваживают людей от книги. Это очень серьезный вопрос, а не просто проблема околотитературных проходимцев, которые зарабатывают на этих букеровских финансовых потоках.

– И где же выход?

– В принципе, государство обязано вернуться в культурный процесс. в литературно-издательскую политику. В этой ситуации надо вести себя, как в любых других кризисных ситуациях. Если у нас кризис с железными дорогами или с самолетостроением, то государство в это дело вмешивается, создает концерны, национальные проекты – и ничего это не возмущает. А если у нас кризис в культуре, то здесь государство, считается, не имеет права вмешиваться. Почему? Культура такая же часть жизни страны. Конечно, механизмы здесь должны быть более тонкие, но – должны

быть! Самое главное, что это все понимают. И я, и многие мои коллеги неоднократно говорили, взывали об этом на заседаниях Совета по культуре при Президенте РФ и с других высоких трибун. Надо сказать, что в последние годы ситуация немножко сдвинулась к лучшему. Появились Президентская премия, премия Правительства. России. Кстати, премия «Большая книга» задумывалась именно как премия, через которую будет проводиться государственная политика, но, к сожалению, инициативу перехватила все та же команда, что занимается Букером. Те же самые люди в жюри, и опять наметился явный перекося в одну сторону. Если премию получает Улицкая, то почему её не получает Личутин? Он разве хуже пишет? Лучше, намного! Если премию получает Быков за «Пастернака», то почему её не получает Куняев за «Есенина»? Ведь книга о Есенине гораздо глубже. У нас все-таки есть разные направления в литературе, и поддерживать только одно – западное – неправильно. Почему среди лауреатов столько эмигрантов? Мы пропагандируем выезд из России? А как же тогда провозглашенная государственная программа возвращения соотечественников в Россию? Значит, «Большая книга» сама по себе, а Россия сама по себе. Это неправильно!

Последствия этой неправильности поначалу незаметны, ибо разрушительные тенденции в культуре не так очевидны. Скажем, самолеты начали падать, и государство, общество сразу спохватились: «Караул!» В культуре-то самолеты не падают. Там вроде бы просто какому-то начитанному графоману дали премию, какой-то бездарной актрисе или фанерному певцу дали «народного». Пустячок. А потом смотришь: лет через двадцать народ и одичал, а творческой интеллигенции плевать на судьбу своей страны с Эйфелевой башни. И все начнут спрашивать: почему, почему? Да потому что давали премии книгам, которые невозможно читать и которые учат равнодушию к национальным святыням... Тогда спохватятся.

– Главное, чтобы не было поздно...

– Главное, как говорится, чтобы войны не было, потому что с современной нашей творческой интеллигенцией мы обречены на поражение. Когда в Эстонии глумились над памятником советскому воину, «ЛГ» целому ряду наших творческих работников задала такой вопрос: «Когда в Германии распоясался фашизм, прогрессивная западная интеллигенция стала бойкотировать эту страну. Когда СССР вошел в Афганистан, ряд стран игнорировал Московскую олимпиаду. Готовы ли вы в знак протеста против притеснения русских и героизации фашистов в Латвии отменить свой концерт, авторский вечер, выпуск книги, выставку и т.д. в этой стране?» Никто не захотел этого сделать. Никто! Ни один деятель!! Вот такая картина маслом...

Беседу вела Дарья Муравина

ОБЗОР НАШЕЙ ЖИЗНИ

**Успешное прохождение вступительных испытаний
решает судьбу будущих «акул пера»**

2010 год. СМОТРИТЕ, КТО ПРИШЕЛ НА ЖУРФАК МГУ!

Раньше это называлось собеседованием. Или творческим конкурсом. На нем ласковые преподаватели и журналисты, выпускники факультета, деликатно прощупывали культурный и общественный кругозор дрожащего абитуриента.

А на столе, в личном деле последнего, лежали и его вступительное сочинение, и печатные работы – как правило, в многотиражках. Все эти «пробы пера» учитывались при вынесении «приговора», который не имел официального статуса, но был авторитетным.

Нынче все по-другому. Бабка Ежка (то бишь ЕГЭ) взяла бразды в свои корявые руки. В течение полугода на факультете разрабатывалась методика экзамена, который называется теперь «дополнительное вступительное испытание творческой и профессиональной направленности». И оценивается в 30 баллов максимум. Вопросы для экзаменаторов строго разделены по шесть блоков – от круга интересов до социальной ориентированности абитуриента. И никаких там сочинений или печатных работ в поле зрения экзаменаторов.

Второе новшество – ход экзамена фиксируется секретарем на диктофон. Это на случай апелляции. Третья новость – лимит времени. Раньше как бывало? Один абитуриент говорит пять минут.

Другой – полчаса. Сейчас все строго – 15 минут на каждого, и будьте любезны. Секретарь скажет «стоп» и прервет вас на самом интересном месте.

Дождь смывает все следы книг

9.00. На улице дождь, мокро, холодно, противно. Но сказался груздем – полезай в кузов. Ташусь на Моховую. У входа на факультет – возбужденная толпа абитуриентов и родителей. Первых прогоняют через тройной кордон милиционеров – они заставляют вытряхивать все лишнее из абитурских сумок. Вторые «болеют» на расстоянии у памятника самому лучшему студенту всех времен и народов – Михайле Ломоносову.

Самые дисциплинированные журналисты-экзаменаторы собираются в одной из аудиторий. Страхивают зонтики. Некоторые радостно ахают, узнавая в солидных тетях и седых (лысых) дядях своих однокурсников. Целуются обнимаются, не веря своим глазам, ведь прошло каких-то двадцать-тридцать лет.

9.30. Появляются первые сотрудники факультета и оглашают список – кому в какую аудиторию и в какой компании. Мне выпадает 109-я. Иду искать.

10.15. Язык доводит до первого этажа. Оказывается, 109-я – это бывшее помещение библиотеки. Вот новость – все библиотеки факультета теперь выведены из здания и на их месте расположились отремонтированные служебные помещения и аудитории. К добру ли? Это-то я и попытаюсь понять, устраиваясь рядом с коллегами – преподавателями Еленой Станиславовной и Антоном Ивановичем и журналистом с ТВЦ Андреем (это уже закон, что все преподаватели – строго с отчеством, а журналисты – только по имени, вечные ценки).

Утопическая реальность

11.15. Вот и первая жертва. Тимур К., москвич 17 лет. Худенький, глазастый, вихрастый. Мечтал стать актером и поступать в ГИТИС, по стопам родителей. Но вовремя спохватился и переориентировался. Умный – не только имеет представление о газетах-журналах, но и сам уже пописывает. А среди любимых книжек называет... «Розу мира», правда, считает, что написал ее Леонид Андреев. Мы поправляем. Тимур не смущается и бойко излагает идеальное общественное устройство, предлагаемое автором-утопистом.

Похоже, того самого «социального темперамента», наличие которого нам следует выявлять, у него в избытке.

Мы млеем от восторга, однако Андрей дает залп тяжелой артиллерии: какие у нас ветви власти? какие палаты? К травле гения подключается Антон Иванович: кто такой Грызлов? Но Тимур с изяществом отбивает все атаки – да, похоже, он совсем не утопист.

«Стоп!» – говорит секретарь Света, и абитуриент удаляется. А мы, посоветовавшись, ставим ему щедрые 26. И думаем, что дальше будет еще лучше, вот наивные...

Республика или монархия?

11.41. Теперь косяком идут барышни.

Вика Г., дочь военнослужащего и домохозяйки. Мечтает стать кинокритиком. Долго рассказывает нам, как любит Чаплина и Джима Кэрри. Я интересуюсь, кто победил на минувшем Московском кинофестивале. Вопрос приводит девушку в ступор. Прошу назвать фильм, в котором Олег Янковский сыграл свою последнюю роль. Девушка теряет дар речи. Деликатная Елена Станиславовна пресекает мое хамство и просит рассказать Вике о любимых книжках. Та называет Достоевского (прямо инфекция какая-то после сериалов!). Вопрос о парламенте приводит ее в замешательство, и мы с миром отпускаем жертву иллюзий с баллом 17.

12.02. На «горячем стуле» Елена Ц. из Ивантеевки. Ответ на вопрос о причинах, которые привели ее на факультет, похоже, отрепетирован: сеять разумное, доброе, вечное. Книжки она читает, а вот при каком строе мы живем нынче – республиканском или монархическом – ответить затрудняется. Этот провокационный вопрос ехидных экзаменаторов заставляет девушку надолго умолкнуть. Пожалев сеятельницу, ставим ей 17 и, тяжело вздыхая, переглядываемся: а сами-то знаем? Шучу, шучу...

Я спросил у Ясена...

12.19. В аудиторию входит уже порядком сгорбленный, но все такой же безумно обаятельный Ясен Николаевич Засурский, теперь не декан, а президент факультета (кстати, где-то в соседней аудитории принимает экзамены его внук, Иван Иванович). Поцеловав ручки дамам (это у него ритуал), присаживается рядом (вот повезло!).

12.23. На пороге Лейла А. из Королева. Девушка уже резво клепаёт пресс-релизы и сотрудничает с музыкальными группами. Но хочет писать о культуре (сдается, культуры на всех девушек уже не хватит), о музыке в частности.

Мы просим ее указать разницу между пресс-релизом и журналистской статьей. Лейла резонно отвечает, что цель первой – продажа товара. А второй – информация. А мы что думаем? Барышня, похоже, настроена на диалог. А еще она любит Гоголя, но странную любовь: ни одного фильма или телесериала по его произведениям вспомнить не может.

Ясен Николаевич невинно интересуется, черты каких гоголевских героев Лейла видит у себя. Та, не задумываясь, отвечает: в школе я была Акакием Акакиевичем, а сейчас и Коробочка, и Манилов... А что? Остроумно. Впрочем, девушка, подобно Манилову, тоже смутно представляет общественное устройство страны, в которой живет. Вздохнув, ставим 18, добрые мы.

12.46. Виктория С., в белой кофточке, с аккуратным хвостиком, очень любит конный спорт и Финляндию. Печатается в газете «Неделя Подмосковья». Нас почему-то клинит на финской теме. Мы пытаем девушку по поводу финской войны и роем еще глубже – до императоров Александров. Но девушке, видно, больше по душе не история Финляндии, а ее природа. Для подстраховки она параллельно подала документы еще на филфак на лингво-филологию, где можно изучать финский язык. Мой вопрос о грядущем журналистском заработке в 300-400 долларов ее не смущает, папа-мама помогут. «Девочка из обеспеченной семьи», – вздыхает Ясен Николаевич.

Ниже черного пояса

13.08. Запомним это время. Внесем в анналы. Именно тогда в аудитории явился «герой дня» – Александр Б. Прям Саша Белый.

Каратист, сын каратиста, черный пояс, мечтает выпускать газету о карате под крылом спортивной Конфедерации (или Федерации) и, похоже, рожден в спортивном зале. Юноша в белом свитере с ясным, незамутненным взглядом поясняет нам, что читает только желтую прессу, смотрит только кабельный телеканал «Боец» (ой, а что это?), а литературу вообще не любит, ну ее, там букв много.

Я. Н. деликатно выясняет, кто написал «Дон Кихота». Зря он...

– Нет, не вспомню, – напрягается Саша.

«Стерильный персонаж!» – даже с каким-то восхищением диагностирует Засурский, когда за юношей закрывается дверь. Мы дружно решаем ставить ему нуль. Но ставим три, потому что добрые. А меня несет в воспоминания: – А знаете, Ясен Николаич, я тоже занималась карате. И причем здесь, на факультете.

– Да ну? – удивляется патриарх и тут же с места в карьер берет у меня интервью:

– И что же, пригодилось в жизни?

– Да, точный удар ступней в коленку врага как-то решил многие мои проблемы...

Я. Н. смотрит на меня с восхищением, сняв очки.

Хипстеры – это вам не метросексуалы

13.44. Мы отвлеклись, простите. Тем временем на пороге возникает рыжая бестия – Анастасия С. Ну, не Стоцкая, но похожа. И тоже помешана на музыке – в стиле гранж, рок, фолк, далее везде. Но! Девушка еще снимает камерой на концертах и уже просочилась на один из музыкальных сайтов. Там сначала бесплатно, потом за денежки печатает свои фотки. Гонорар, между прочим, отдает в детский дом.

Анастасия хочет быть – о боже! – литературно-художественным критиком. Читает журналы Rolling Stones и «Афишу», а также «Новую газету». Уважает граффити. На короткой ноге с представителями ряда субкультур – в том числе с хипстерами, панками, эмо... Наш интеллектуальный отряд просит пояснить, не являются ли хипстеры дальними родственниками хиппи.

Девушка с удовольствием просвещает: ну уж нет, хипстеры – это ленивые пафосные безыдейные персонажи, главное для которых – шмотки. Век живи, век учишься... Но, увы, во всем остальном субкультура не шибко эрудирована – и получает 19. А мы убегаем обедать, пока хипстеры не обогнали.

Перестройка или оттепель?

15.00. Сытые и добродушные, рассаживаемся за инквизиторскими столами. Ну, кто там у нас на десерт? Настя Р., красотка из Сочи, с точеной фигурой и мечтой стать телеведущей. На местном канале уже засветилась. А то, что программа «Пусть говорят» ей неизвестна, равно как и любая другая аналитическая, это мелочи жизни. Настя с удовольствием рассказывает нам историю, как ее с друзьями замели в ментовку, потому что она находилась на улице позже 22 часов, – такие строгие порядки в городе, где темные ночи. Безобразия, возмущается Настя, мы были в машине с друзьями и вот вдруг оказались в обезьяннике, а там такой хаос! Вы не поверите, но милиционеры на рабочих местах пьют водку и матерятся! Этот опыт ее очень обогатил. Потрясенные рассказом о милицейском хаосе, мы забываем спросить о верхней и нижней палатах, а также о Миронове, Грызлове и должности В. В. Путина, ставим девушке 13 и с Богом отпускаем из этого хаоса экзамена домой.

15.19. Алина М. из Северодвинска печатается в местных газетах, что не помогло ей вспомнить время перестройки. «60-е годы?» – с надеждой спрашивает девушка, но, увидев наши суровые лица, сникает. Андрей справа кидает подсказку: «Ну, когда развалился СССР?» Девушка молчит, как партизан на допросе.

А мы сладостно добиваем. Кто был первым президентом СССР? Кто – России? Какие государства вошли в СНГ? В какой южной стране и зачем сейчас Дмитрий Медведев? Травля младенца прекращается после сигнала «Стоп». Мы не звери, ставим северянке 13, хотя число и не очень счастлирое.

15.45. Улыбчивый пермяк с хитрым прищуром – Иван Ш. – внятно отвечает на все вопросы, в том числе и о начале Второй мировой войны (молодец!), Федеральном собрании и спикере. Умница получает 28.

16.07. Девушка София К. из Казани тоже не дает маху – читает «Литературку», потому что «там любят Россию», и знает, что Поляков там – главред. И что журналисту, помимо умения слушать и внимания к людям, требуются также амбиции и фанатизм, то бишь энтузиазм. Заслуживает 24.

16.32. Ульяна В. Православная девушка из Липецка в бескомпромиссном декольте печатается в журнале «Золотой ключик». Любит петь, предлагает ее послушать. Мы с ужасом отказываемся. С вызовом заявляет, что любит Пушкина и Достоевского (тоже удивила!). А еще нахально читает нам лекцию о... кинезотерапии, «есть в коленке такая мышца». Уходя, с удивлением вопрошает: а почему мы ничего не спросили об устройстве государства? «Не успели», – потупившись, отвечает Андрей. Доктора!

16.08 – 19.04. Елена П. из Татарстана активно борется с пороками вроде курения-алкоголизма-наркомании в местной газете, участвует в митингах, что, видимо, не дает возможности читать книги и газеты и смотреть новостные программы по ТВ. Хочет быть военкором. Коллега интересуется, готова ли она три дня сидеть в засаде в кустах и не мыться. Девушка мнется. Похоже, не очень. Результат – 16.

А вот Мария Т. из г. Волжского понравилась нам своей загадочной мечтой «восстановить могущество державы на основе исторической памяти». За это и другое получила 26.

...Дальше – не помню. Дошла до точки. Припоминаю смутно любительницу бальных танцев, считающую Василия Аksenова актером. Дипломированную брюнетку из Интернет-портала о кино (!) с хищным прищуром – ей было некогда ходить на минувший ММКФ. И имя Ларса фон Триера, сдается, она впервые услышала сейчас от меня.

Все, конец, сил нет, аспирина, воды, занавес.

Бедные люди

– Это что, а вот у меня одна девушка долго мялась, прежде чем ответить, какое произведение Булгакова она знает, кроме «Мастера и Маргариты», – поведала знакомая сотрудница факультета. – А потом выдала – «Собачья яйца». А другой написал в сочинении: мы еще не акулы пера, а караси авторучки, будьте снисходительны.

А мы что? Мы не звери. Сами такими были. Правда, Достоевского и Пушкина все же упоминали – все больше Евтушенко, Вознесенского, Астафьева, Солженицына, Битова, Белова, Булгакова. По телеку жадно впитывали новости – особенно ждали «Вести».

С экрана еще не доносился великий и могучий русский мат, и фильмы Тарковского, Феллини и Бергмана и др. можно было при желании посмотреть. И спектакли некоторые было стыдно не видеть... Все, больше не ворчу.

Итак, в сухом остатке.

Первое. Куцая устная речь практически у всех ребят. Русский язык – как у иностранцев.

Второе. Представление о журналистике – на уровне ТВ-картинки: «Хочу быть, как Собчак!» Или – как Парфенов (что уже лучше). О заработках и специфике не имеют представления даже те, кто регулярно посещает редакции.

Третье. По ТВ смотрят в основном Первый канал, из журналов знают «Афишу» и глянец, из газет читают «Коммерсантъ» и «Новую газету», один (!) человек назвал «Известия», и никто (!) – «Аргументы и факты», «Комсомолку» и «Московский комсомолец».

Четвертое. Государственное устройство страны, в которой родились и живут, для многих – тайна.

Пятое. Заботы рокеров и эмо для них важнее проблем пенсионеров и гастарбайтеров, социальные язвы родины – как другая галактика.

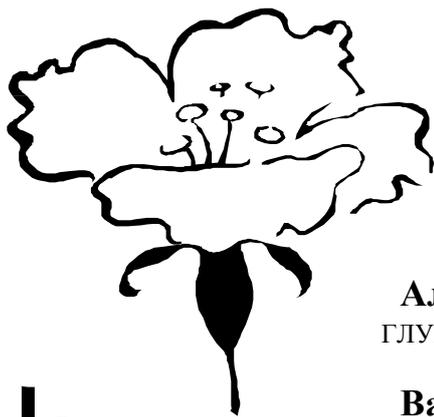
Шестое. Из всех видов искусства журналистики предпочитают ТВ, пиар и рекламу (что вполне реалистично).

Седьмое, личное. Почему-то все девушки одеваются на экзамен, как на пляж.

Восьмое. Все вышеперечисленное абитуриентов-2009 совсем не смущает, и они из-за такой ерунды не комплексуют – даешь позитив! Тем более что некоторые из них будут учиться за свои кровные (то есть родительские).

Как вам такая смена, Михайло Васильич Ломоносов?

Обзор без подписи

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРСОНАЛИИ 2 стр.

Алексей МИЛЬКОВ
ГЛУБОКО МЫСЛИТЬ (статья) 3 стр.

Валерий САВОСТЬЯНОВ
ДОМ НА ХОЛМЕ (циклы стихов) 8 стр.

I. Философская лирика (цикл стихов)

1. Сосна	стр.	8	9. Бабушками крещены	стр.	18
2. Дом на холме		8	10. Псалтырь		18
3. Пешка		9	11. Краснодеревщик		18
4. Освобождение огнём		9	12. Первый пост		18
5. «Я здесь с бессонницей вдвоём...»		9	13. Суженый		19
6. Флюгер		9	14. Похожая на образа		19
7. «Того я сразу гением сочту...»		9	15. «Пусть за всё отвечает Господь...»		19
8. Пёс		10	16. Артист		20
9. «Шли. Говорили на ходу...»		10	17. Иван и принц		20
10. «Не под ударом силы злой...»		10	18. Ориентир		20
11. «Не первым он был, не последним...»		10	19. «Девушка стояла у причала...»		20
12. «Хватает рыба воздух ртом...»		11	20. Колоколенка		21
13. Иней		11	21. «Когда влюблённые тела...»		21
14. Круговорот		11	22. Яблонька над помойкою		21
15. «И снова, и снова, и снова...»		11	23. Поля озимых		21
16. Путь		11	24. Завтра Пасха		22
17. Дикие травы		12	25. Пора!		22
18. Болиголов		12	26. Возрождение церкви в Никольском		22
19. Метеорит.		12	27. Новодел		22
20. Природа разумна		12	28. «Я теперь мечтаю не о многом...»		22
21. Вещи		13	29. Родной земле		22
22. Об искусстве		13	30. Атеист		23
23. «Спешу подумать о прекрасном...»		13	31. «А когда я душой не спокоен...»		23
24. «Дорога к морю долгая...»		13	32. Чудеса		23
25. Котёнок		14	33. Монастыри		23
26. «Всё больше асфальта, всё меньше земли...»		14			
27. «Не плое́шься: ныне кажется не горькой...»		14			
28. «Опять моросит, холодает...»		14			
29. Детство		15			

II. Николай Чудотворец (цикл стихов)

1. Не гаси мою свечу	стр.	15
2. «С окраины своей к знакомой роще выйду ль...»		15
3. Женский день		15
4. Сад		16
5. Призвание		16
6. И Николай Чудотворец		16
7. Пасха		17
8. Первый слог		17

III. О семье (цикл стихов)

1. Дневник	стр.	24
2. «Быть может»		24
3. «Вид больничных коридоров...»		24
4. Родинки		25
5. «Нет любви, кроме боли...»		25
6. Терунки		25
7. Одиночество		26
8. Двое		26
9. «Ослабела душа, оробела...»		26
10. Эскимо		26
11. Новогодняя печаль		26
12. «Не спрашивайте женщину любимую...»		27
13. Свадебный сервиз		27
14. Заклейка окон		27
15. «Что за ночь! Что за луна!..»		27

Юрий ПОЛЯКОВ
О ПРЕМИИ БУКЕР (интервью) 29 стр.

СМОТРИТЕ, КТО ПРИШЕЛ НА ЖУРФАК МГУ! (обзор) 31 стр.

Литературно-критический журнал
“Троицк литературный”

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков leomilk@yandex.ru
Ирина Шлионская IShlion@inetcomm.ru
Анатолий Коробов 8-905-577-67-19

Редакционный совет:

Владимир Бланк, директор ФГБНУ ТИСНУМ
Председатель Совета депутатов г. Троицка.
Глеб Шульпяков, гл. редактор журнала
“Новая Юность”.
Татьяна Исаева, начальник Отдела культуры.
Людмила Подорожная, директор библиотеки №1 им. Михайловых.
Наталья Тимошенко, директор школы №1 им. Пушкина

Литературное объединение г.Троицка собирается каждую последнюю среду в 18.00 в библиотеке №1 им. Михайловых по адресу: М-н “В” №38. Председатель ЛИТО Рожкова Изабелла Касполатовна. Секретарь ЛИТО Елисеев Владимир Валентинович, тел. 51-70-35

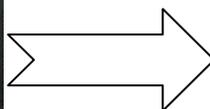
Номер издан при содействии
ФГБНУ ТИСНУМ
и Совета депутатов г. Троицка.

Директор ФГБНУ ТИСНУМ,
Председатель Совета депутатов г.Троицка
Бланк В.Д.

Глава г.Троицка в 2003–2011 годах
Виктор Сиднев

ЭСТАФЕТА

Глава города Троицка
Владимир Дудочкин: 2011 г.